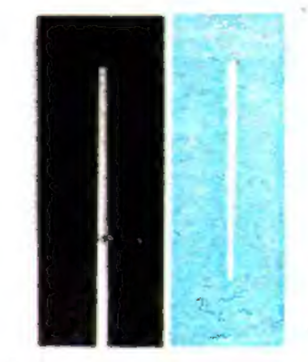
КРОКОДИЛ

ЧЬЯ ВОЗЬМЕТ?

Рисунок Евгения ГУРОВА

Алексей ГОЛУБ, Анатолий ПИВОВАРОВ, специальные корреспонденты Крокодила

ПО КАЗНАЧЕЙСКОМУ БИЛЕТУ

Их было три претендентки на одно место — Зоя Кибирева, Этери Лепартия и Неля Коробко. И, следовательно, поступить в институт могла одна из трех. Это обстоятельство вызывало дрожь в коленках и заставляло еще и еще раз повторять законы Ома и Ломоносова — Лавуазье. Кандидаты в будущие терапевты и стоматологи нервно прохаживались по аллеям институтского парка, взвешивая все «за» и «против», и гадали на ромашках: примут — не примут...

Так вот, одна из названных претенденток в вуз, Зоя Кибирева, прогуливаясь перед входом в институт и гадая на ромашках, встретила знакомого — Володю Карамзанова.

— Экзамен,— сказал Володя, выяснив причину ее минорного настроения,— это в конце концов та же лотерея. Можно выиграть, можно проиграть. Хочешь, познакомлю тебя с одним человечком? Пятьсот рублей — и ты студентка! Без всяких треволнений и хлопот!

Причин для треволнений у Зои было больше чем достаточно. На ее счету уже имелись две попытки поступить в медицинский институт, и обе закончились плачевно. Кое-как выучив законы Ома и Ломоносова — Лавуазье, Зоя споткнулась на орфографии. В сочинениях слово «канализация» она оба раза употребила в смысле «колонизация», а вместо «санитар» написала «синитар».

Зое очень не хотелось в третий раз огорчать своих родителей, и ради этого она готова была отвалить пятьсот рублей. Но где их взять?

— У папы с мамой,— сказал Володя.— У кого же еще?

— А это удобно? — засомневалась Зоя.— Выходит, для того, чтобы доставить радость родителям, нужно вынуть из родительского же кармана пятьсот рублей?

— А почему бы и нет? — удивился Володя.— Родители обязаны заботиться о своих детях.

Придя в общежитие, Зоя долго соображала, что к чему, а затем написала домой, в Прокопьевск, письмо...

Прочитав дочкино послание, Зоин папа, Николай Иванович, гневно топнул ногой.

— Да чтобы я, рабочий человек, взятку давал?! — громыхнул он.— Этого не будет!

— Никакую не взятку,— спокойно сказала мама.— Просто надо помочь ребенку стать на ноги...

В общем, Зоина мама устроила Зоиному папе скандал. Но Николай Иванович был упрям и перед тем, как расстаться с деньгами, захотел самолично убедиться, что вкладывает их в надежное дело. Он достал из-под кровати сундучок, в котором носил инструмент, необходимый ему как слесарю-сантехнику Новокузнецкого аэропорта, застелил его свежей газеткой, положил туда краюху хлеба, кусок домашнего сала и, ощупав оттопыривающийся карман пиджака, отбыл в Кемерово.

Разыскав Зою и ее приятеля Володю, Николай Иванович деловито осведомился:

— Ну, где этот ваш человечек, который взятки берет? Ведите меня к нему!

Зоя, Зоин папа и Володя пошли на квартиру к преподавателю философии Кемеровского медицинского института Борису Федоровичу Голубеву. Зоя и Володя остались в коридоре. Зоин папа и преподаватель философии вели переговоры без свидетелей, с глазу на глаз.

Николай Иванович уселся на диване и испытующе глянул своему собеседнику в глаза.

— Так вот, значит,— сказал папа, прощупывая партнера,— я и моя жена хотим, чтобы Зоя училась на врача. Поступила в институт, значит...

— Что ж,— сказал философ, отводя глаза в сторону.— Такая возможность у вашей дочери имеется. Но возможность чисто формальная. Принять ее за действительность — значит впасть в метафизику.

— Нам ошибаться ни к чему,— сказал Зоин папа,— если уж идти на это дело, то чтобы не впадать. Раз — и в дамках!

— Все это, конечно, так,— продолжал развивать свою мысль философ,— но чтобы возможность превратилась в действительность, необходимо предпринять определенные действия для преодоления противодействия.

— А я для чего приехал?! — с готовностью откликнулся Кибирев.— Вы скажите сколько, а я уж — как отцу родному.

— Действие должно соответствовать поставленной цели,— туманно изъяснился Голубев.

— Так что, пятьсот рублей, что ли? — уточнил Кибирев.

— Истина конкретна,— пропел философ.— Четыреста рублей члену экзаменационной комиссии — по сотне за экзамен, и сотню мне за посредничество. Гарантия стопроцентная.

В общем, преподаватель философии произвел на Зоиного папу положительное впечатление. Но дать ему деньги он все же не решился.

— Мужик он вроде бы ничего, грамотный,— говорил Кибирев, направляясь на вокзал со своими провожатыми.— Но давать ему сразу все деньги боязно. Сбежать может. Так что будем платить ему по частям. За каждый экзамен.

До начала экзаменов оставались считанные дни, и не успел Николай Иванович добраться до порога собственного дома, как жена тут же вручила ему телеграмму от Зои:

«СРОЧНО ВЫСЫЛАЙ ДВЕСТИ».

Вслед за первой телеграммой пришла вторая: «ВЫШЛИ СТО».

Текст третьей Зоиной телеграммы временно оглашать не будем.

Встреча Николая Ивановича Кибирева с философом не осталась в тайне. Слух о том, что кое-кто из абитуриентов обеспечивает себе дополнительные гарантии, достиг ушей Этериного папы — инженера промкомбината в далеком грузинском городе Абаша и Нелиной мамы — учительницы восьмилетней школы из уже знакомого нам Прокопьевска.

Этерин папа, Давид Эрастович Лепартия, с досадой хлопнул себя по лбу:

— Так вот почему моя Этери два года подряд в институт поступить не могла! Ай-вай-вай! И как это я, старый осел, до сих пор не догадался?!

В тот же день Давид Эрастович ринулся в Кемерово и, рыская по городу, наткнулся на преподавателя химии Кузбасского политехнического института Вадима Семеновича Нещадимова. Они тотчас же нашли общий язык.

— Помогу,—сказал Вадим Семенович.—У меня в медицинском друг. Член экзаменационной комиссии.

— Так чего же мы тут стоим?! — спохватился Лепартия.— Пойдем в ресторан! Вино пить будем! Шашлык кушать будем!

Давид Эрастович не жался, как Зоин папа. Прямо в ресторане он стал запихивать в карман Нещадимову пятьсот пятьдесят рублей.

— По сто рублей за экзамен,— приговаривал при этом Лепартия.— А сто рублей тебе... И пятьдесят тоже тебе... Пусть в моем кармане будет пусто, но зато на сердце спокойно!

Несколько иной тактики придерживалась Нелина мама, приехавшая в Кемерово на весь отпуск. Валентина Григорьевна хотела отдать припасенные ею деньги не какому-нибудь охочему до вина химику и не мудрствующему лукаво философу, а самому достойному из достойных. В поисках такового она ходила на лекции, любезно организованные для абитуриентов ректоратом института, вслушивалась в дикцию преподавателей, изучала их манеры и умение одеваться. Свой выбор она остановила на преподавателе физики, члене экзаменационной комиссии Александре Николаевиче Ростовцеве. Он и говорил красиво и одевался хорошо. К тому же, как выяснилось впоследствии, именно через него действовали и Голубев и Нещадимов.

Но настырная мамаша, посещающая лекции наравне с абитуриентами, не внушила доверия подозрительному члену экзаменационной комиссии. Ростовцев, тяжело вздохнув, отказался от предложенных денег, сказав при этом:

— Уж больно вы, мамаша, глаза всем намозолили. Неспроста это... Не подосланы ли вы ОБХСС? Жаль, конечно...

И теперь, наконец, можно огласить текст третьей телеграммы, которую отправила домой Зоя Кибирева. Вот он:

«ПАПА СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ ТЧК МЕНЯ НЕ ПРИНЯЛИ».

Аналогичную весть, только не по телеграфу, а из уст любимой дочери, получил гражданин Лепартия. И совершенно иную новость сообщила маме Неля Коробко, успешно сдавшая все экзамены. Произошло то, чего никак не ожидали ни Зоин папа, ни Этерин, ни тем более Нелина мама, отчаянно переживавшая свое сходство с работниками ОБХСС.

Николай Иванович Кибирев, бросив в такси свой деревянный сундучок, помчался в Кемерово, обгоняя поезда и автобусы.

— Ах ты, плут несчастный! — ворвавшись в квартиру преподавателя философии, заорал он.— Ты знаешь, что дочь мою не приняли?!

— Любое действие наталкивается на целый ряд противодействий,— пролепетал философ.

— Ты эти свои разговорчики брось! — беря Голубева мозолистой рукой за воротник, сказал слесарь-сантехник.— Где мои деньги?

— Клянусь Гегелем и Кантом, я отдал их члену экзаменационной комиссии!

— Так почему тогда дочку не приняли?

— А какой уговор был?

— Пятьсот...

— А вы сколько дали?

— Триста,— признался Зоин папа, сэкономивший на дочери двести целковых.

— Вот она последний экзамен и провалила. Вместо «санитар» написала «синитар». Сами и виноваты.

— Ну ладно,— сказал Кибирев, прочно располагаясь на пружинном диване.— Тогда иди к своему члену комиссии и неси сюда триста рублей.

Философ схватил шляпу и, не чуя под собой ног, полетел к Ростовцеву. У дверей его квартиры он столкнулся с Нещадимовым. Химика трясла лихорадка.

— Сбежал,— сообщил он, лязгая зубами.

— Кто сбежал? — не сразу понял философ.

— Ростовцев.

Нещадимов только что познакомился с теневой стороной характера Этериного папаши. Давид Эрастович при всей своей душевной широте оказался грозным, как горная лавина, и яростным, как тигр. Узнав, что стал жертвой обмана, Этерин папа воткнул в замочную скважину нещадимовской квартиры лаконичную, но весьма красноречивую записку: «Вадим разе ти не понял меня не обижай Гоги как нибуд стретимся».

Кто такой Гоги, объяснять не требовалось. Отправляясь в Кемерово, предусмотрительный Лепартия прихватил с собой не только звонкую монету, но и карающий булат — племянника Гоги, готового свернуть шею любому обидчику. Нещадимову очень не хотелось встречаться с Гоги, и он готов был расплатиться с Этериным папой из собственного кармана. Да на беду в его кармане было темно и пусто, как в аптекарской ступе.

Оставив химика со своими переживаниями на лестничной площадке, философ, не заходя домой, побрел в милицию, где и положил на стол следователя свою повинную голову. Вслед за ним то же самое сделал и химик.

И в Кемеровской областной прокуратуре возникло довольно объемистое дело о взятках. Специально назначенная экспертиза обнаружила в архивах экзаменационной комиссии семьдесят студенческих работ, оцененных выше, чем они того заслуживали. Видимо, не только Зоины и Этерины родители возложили на алтарь просвещения свои кровные рубли.

И последнее слово хочется обратить именно к ним — любвеобильным родителям. Да, детей надо любить. Детей надо учить и воспитывать. Но не следует пытаться восполнить пробелы в их знаниях денежными купюрами различного достоинства. Из студента, который получил студенческий билет в обмен на казначейские билеты, честного человека не выйдет.

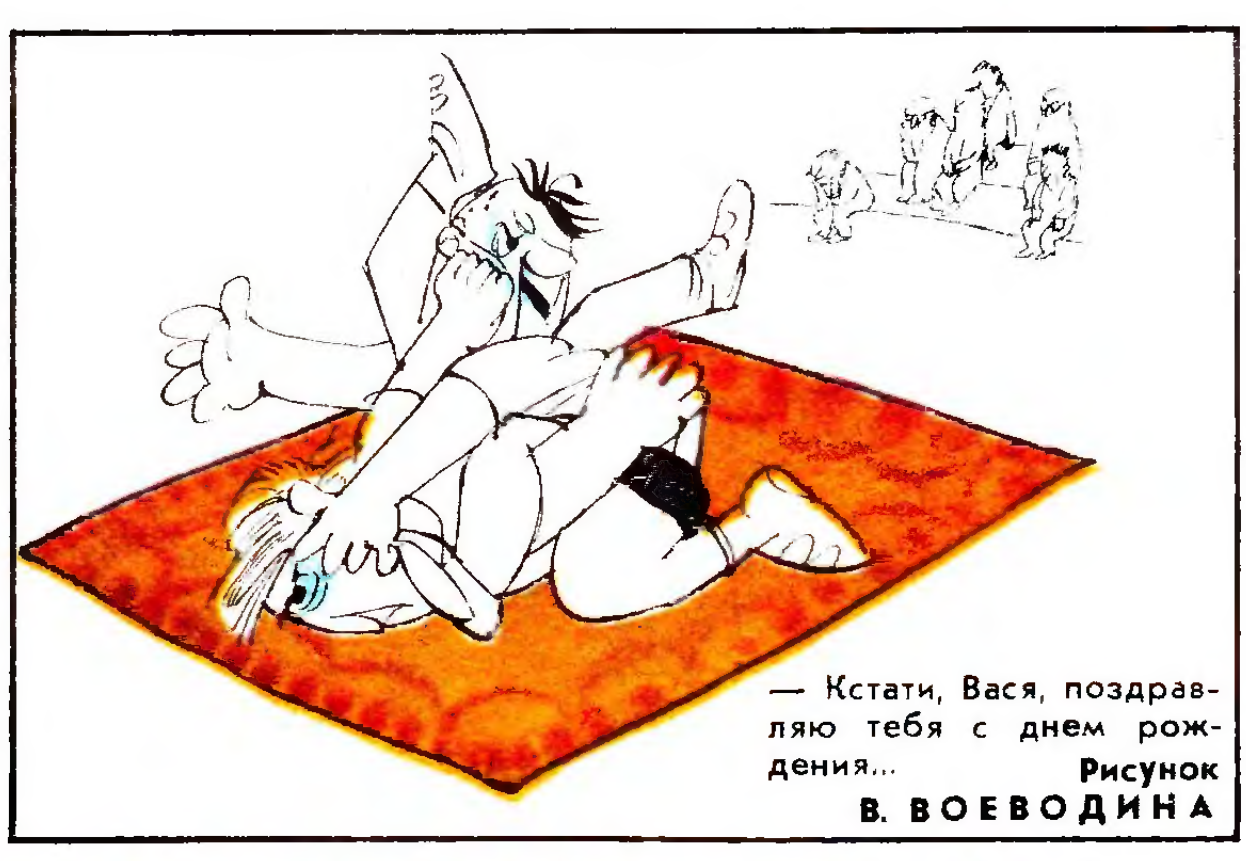
г. Кемерово.

УДАР! ЕЩЕ УДАР...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

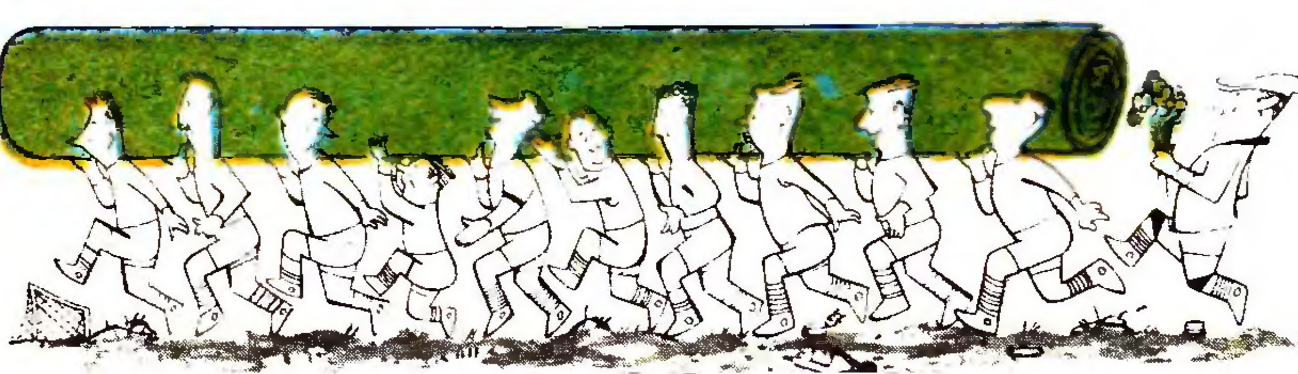

— С чего все началось? Жил в новом районе, бегал за автобусом...

— Кстати, Вася, поздравляю тебя с днем рождения...

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

Со своим полем. Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Рисунок Л. НЕМИРОВСКОГО

Владимир НАДЕИН

НАМ БЫ САМБУ!..

О бразильском футболе нам известно все. Известно, в каком музее хранится золотой слепок с ноги несравненного Пеле. Известно, почему хотел бросить, да так и не бросил курить правый крайний бразилец Гарринча. Ну, а таинственные штучки бывшего психолога команды доктора Гослинга давно уже перестали быть тайной даже для не очень эрудированного поклонника улан-удэнской «Селенги»: подумаешь, крутит на патефоне перед матчем самбу!..

Не менее широко информирована наша общественность и об экзотических нравах пламенных бразильских любителей футбола. Ах, мальчишки, жонглирующие тряпичными мячами на пляже Копакабана! Ах, суровые крепостные рвы, ограждающие изумрудный прямоугольник от неистовых трибун крупнейшего в мире стадиона «Маракана»!

О нашем же родимом футболомане, особенно если он не распивает горячительного на трибунах, мы наслышаны поменьше. Футбольные карнавалы в моду не вошли. Экзотических рвов на наших стадионах нету. И многие городские власти, всецело поглощенные крупнопанельным жилстроительством, так и не удосужились пополнить список экспонатов местных музеев слепками с бутс своих знаменитых бомбардиров.

Между тем в самосознании наших любителей футбола назревают знаменательные изменения. И это не стихийный процесс! Усилиями многих хозяйственных и профсоюзных руководителей иные производственные коллективы готовятся к тому, чтобы переплюнуть бразильцев по количеству футбольной ярости на душу населения.

Особо острые формы этот процесс принял на предприятиях, опекающих команды не выдающиеся, а, так сказать, средней ноги. Здесь объявлена священная война традиционному самотеку, при котором зритель сам выбирает, на какой матч ему пойти, а какой пропустить. Было решено, что любитель футбола — существо милое, но неразумное, не ведающее, где его счастье. А потому им следует твердо и бестрепетно руководить сверху.

Исходя из этой гуманной концепции, в залитых, как положено, солнцем цехах Харьковского тракторного завода однажды утром забелели листки любопытного документа. Назывался он привычно — «Обязательство». Однако никаких обязательств данное «обязательство» не содержало. Это было обыкновенное заявление, отпечатанное для удобства бухгалтеров типографским способом:

«Прошу производить удержания с моей зарплаты, начиная с марта 1969 года, по ——— руб. ——— коп. ежемесячно в течение шести месяцев за приобретенный мною абонемент на посещение футбольных игр класса «Б».

Уточним: игр своей заводской команды класса «Б» «Торпедо».

Выгодно!

Бесспорно.

Удобно!

Несомненно.

Ведет к резкому скачку активности на трибунах!

Увы, не привело...

Тут некстати затесались два фактора. Во-первых, по мнению многих любителей, заводское «Торпедо» играет не то чтобы отвратительно, но все же худо. А во-вторых, среди тракторостроителей имеется изрядная прослойка лиц, которой не то что вялое «Торпедо» — сам великий «Сантос» и тот, как говорится, до лампочки. Ибо увлекают эту прослойку филателия, или декоративное садоводство, или пинг-понг, или внуки... Словом, что угодно, только не футбол.

Вот эти-то факторы и поставили предцехкомов в жуткое положение. Ведь приказ завкома был категоричен: распространить все абонементы до одного. А их не берут. И все-таки распространители нашли выход из пикового положения: приобрели абонементы за казенный кошт. А точнее, за счет фонда мастеров.

С тех пор мастера перешли на принципиально новую систему материального поощрения.

— Слушай, Степаныч,— говорит мастер слесарю.— Ты сегодня повкалывай от души, а я тебя на субботу билетиком простимулирую, а!

На что Степаныч, едва сдерживая непочтительные слова, отвечает:

— Извиняйте, товарищ мастер, но я болею исключительно гриппом, и то ежели эпидемия.

Конечно, не надо быть ревизором Министерства тракторного машиностроения, чтобы узреть в харьковских событиях налет необузданного меценатства. Ибо харьковские «мараканцы» просты, наивны и по-своему человеколюбивы. Их коллег — угольщиков из города Енакиево не попрекнешь покушениями на государственную казну, упаси боже! Ведь куда проще и, заметьте, безопаснее отдать лихой приказ: выплачивать зарплату шахтерам... совершенно верно, футбольными билетами!

Не всю, понятно, зарплату, а часть. Рублей десять — двадцать.

Если бы футбольные билеты имели хождение на территории Донецкой области наравне с рублями и червонцами, в этом не было бы особой беды. Но, увы, на такую высь футбольные страсти в Донбассе еще не поднялись. Огурцов на билеты не укупишь и мануфактуркой не разживешься. Вот и получается: хочешь — ходи, не хочешь...

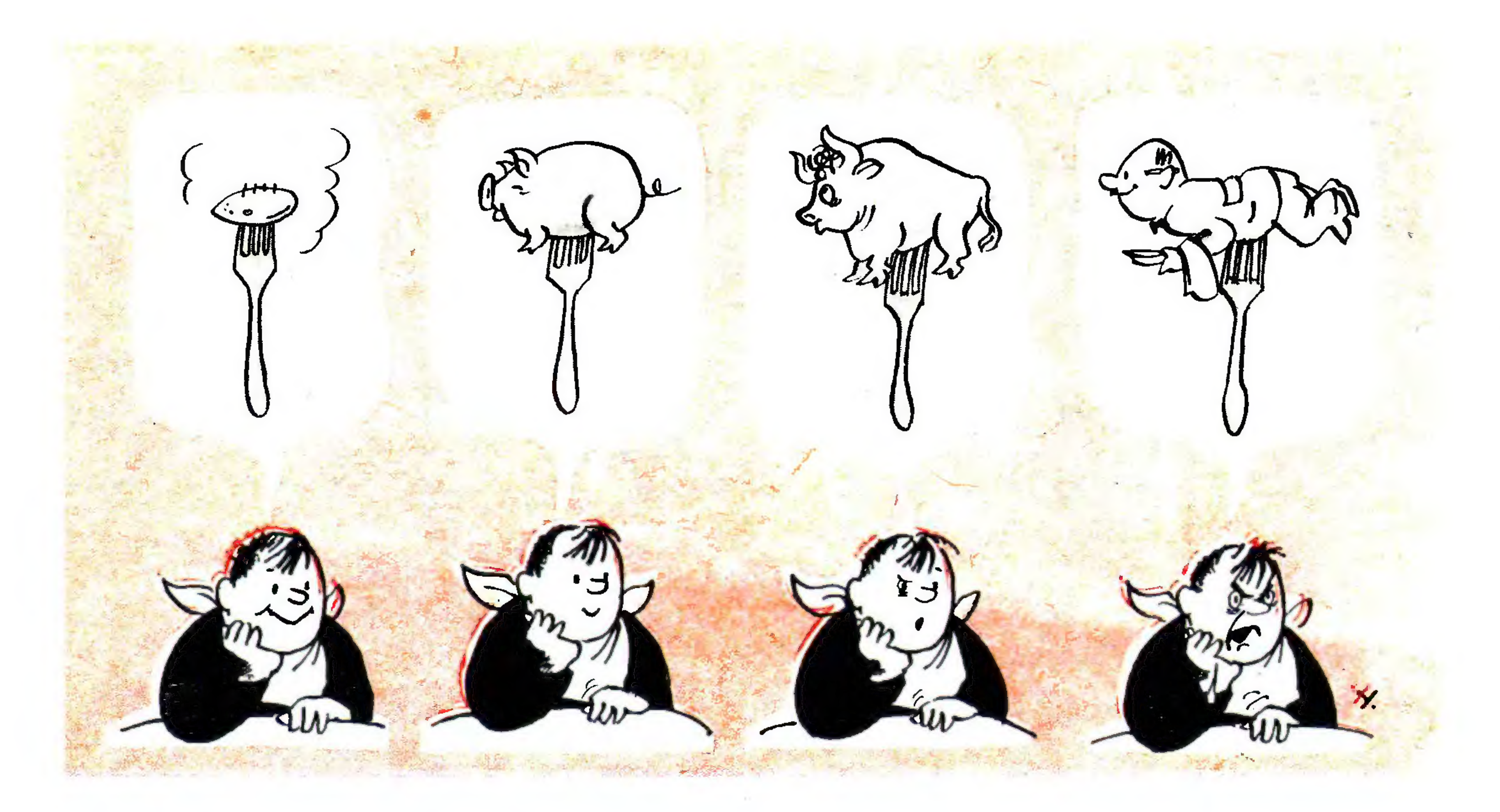
Да, а что делать, ежели не хочешь!

Один из горняков енакиевской шахты имени К. Маркса нашел выход. Он прислал в редакцию двадцать 50-копеечных билетов, силком ему всученных: «Это мой подарок редакционным любителям футбола». Но фамилию свою даритель просил не разглашать. Футбольные нравы на шахте строгие, запросто попадешься... тишься льготной путевкой за такое непочтение.

И дисциплинированным членам профсоюза приходится терпеть. Терпеть, платить и, сжав зубы, смотреть на непонятную суету двадцати двух потных молодцов, испытывая при этом естественное раздражение человека, зря теряющего время и деньги.

И вполне вероятно, что вскоре придется, ограждая ни в чем не повинных футболистов от гнева зрителей, понемногу рыть маракански рвы и прочие фортификационные сооружения.

А там уж до самбы рукой подать!..

В ресторане.

Рисунок М. УШАЦА

Юрий БЛАГОВ

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

В открытое вечером настежь окно
Влетал надоедливый стук домино.

Владелец окошка, не выдержав мук,
Усилил в своем телевизоре звук.

Соседи, владельца сигнал подхватив,
Нашли в радиоле бравурный мотив.

Весь дом, услыхав разножанровый вой,
К атаке готовиться стал боевой.

В итоге взревел звуковой ураган
Из рявканий джазов и воплей цыган.

Когда же на улице стало темно,
Ушли отдыхать мастера домино,

Однако жилец, увеличивший звук,
Услышать не смог, что закончился стук.

Соседи нашли громогласный квартет,
Не зная, умолк телевизор иль нет,

Поскольку и в доме во всем и окрест
Теперь духовой разливался оркестр—

Рояль, балалайка, баян и зурна...
И нервно бледнела на небе луна.

— Тут художник хочет писать мой портрет, попозируйте ему!

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Евгений МАТВЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Темная речка Клязьма

Про туризм, который рядом

Кто не знает, пусть знает: на окраине уральского города Кунгур есть знаменитая пещера. И вот я шел по городу к этой знаменитой пещере и, чтоб не заблудиться, спросил дорогу у торопившегося куда-то прохожего.

— О!—сказал прохожий.—Это очень знаменитая пещера! Я у самого входа живу. Идемте со мной, но только не отставайте.

Я пошел, не отставая, и «пещерный житель» принялся мне расписывать гроты своей пещеры, ее подземное озеро, ее сказочные сталактиты, ее еще более сказочные сталагмиты и более чем сказочные ледяные кристаллы в Бриллиантовом гроте. А потом он сказал, что сегодня в пещере, кажется, выходной день.

— Жалко-то как! — огорчился я.— А вы сами не могли бы меня по ней провести? Будьте так любезны!

— Не могу,— сказал мой попутчик.— Я там еще ни разу не был. Недосуг все.

* * *

Кто не знает, пусть знает: мимо подмосковного города Электросталь течет река Клязьма, и течет она слишком уж мимо. Редкий электросталец ездит туда отдыхать, хоть это самая близкая к городу река. Я и сам, прожив здесь почти тридцать лет, ездил с приятелями в выходные дни куда подальше: на Ворю, Киржач, Шерну... А то и вовсе куда-нибудь на Истру, тратя полдня на езду в электричках и автобусах... А уж в отпуск бывали Волга, Селигер, Лена и даже Колыма. Не до Клязьмы как-то было.

В общем, заявился я к приятелям с предложением: а не махнуть ли нам на резиновых лодках по Клязьме, прямо от Электростали?

— Прямо от Электростали? — посерьезнели приятели.— Доездился!

Они вот что имели в виду. Через Электросталь протекает ручей, который впадает в речушку Вохну, а та уж в Клязьму. В этот ручей родной мой город спускает по трубам много чего жидкого, и население именует ручей так просто и неприлично, что официально его вынуждены были назвать ручьем Безымянным.

— Ну что вы! — сказал я.— От Павлово-Посада по самой Клязьме тронемся. Ненадолго, недельки на полторы.

— А ты уже, кажется, тронулся надолго! — ответили мне.— У него на пути Павлово-Посад, Орехово-Зуево... Городищи со своими ткацкими фабриками... Они такое в твою Клязьму добавят, что лодку резиновую насмерть разъест, и вплавь ты не спасешься по той же причине!

Согласился ехать только один художник, да и то московский, да и то не подумав. А подумав, отказался и он. Тут уж и я напугался, заколебался, но потом обозлился и решил: вот поеду один!

Пошел на пункт проката, взял надувную лодку. Потом понес на ближайший пруд испытывать.

Долго накачивал. Потрепанный насос фыркал на все стороны. Прибежали две собачки и с интересом на него полаяли.

Разборные весла не сочленялись. Решил погрести пока половинками. Сел в лодку. Собрались любопытствующие и спросили, что я делаю в этой луже.

— Я водолаз,— сказал я, чтоб быстрее отвязаться.— Вчера тут восемь человек утонуло.

— Это как так?

— Шут их знает. Просто пришло восемь человек и утонуло. Не мешайте!

Лодка протекала.

Дома жена спросила:

— Ты что, хочешь, чтобы твоя дочь осталась без отца?

— Не хочу,— сказал я.— У меня два спасательных круга, а лодку я заклею.

— Или не езди, или я сама с тобой поеду!

— Ты же не умеешь плавать,— возразил я.— Хочешь, чтобы наша дочь совсем без родителей осталась?

Но, боже, как неопровержима женская логика!

— Во-первых,— сказала жена,— спасательных кругов у тебя все равно два. Во-вторых, у нашей дочери есть дедушка, две бабушки и прабабушка. А в-третьих, я буду следить, чтобы ты не лез в воду, не зная броду.

И мы поехали вдвоем.

Клязьма, все время петляющая вблизи Горьковской железной дороги, оказалась совсем темной речкой, незнакомой толком даже местным туристам. По той же причине: недосуг взглянуть на то, что слишком уж рядом.

Возле Костерева из-за поворота вылетела двухместная байдарка, и два парня, сидевшие в ней, разом удивились, увидев нас. Удивились и мы их появлению: выходит, что даже на байдарках здесь кто-то плавает!

Парни оказались бывалыми туристами. Живут в Костереве. Плавали по Волге, Селигеру, теперь собираются в Мещеру. А как насчет Клязьмы? Да вот купили новую байдарку, испытывают. Семнадцать километров отмахали по Клязьме. А о том, что нас ждет впереди, парни рассказали так: километров семь-восемь к чересчур заросшему берегу пристать будет невозможно, потом пойдут голые берега вперемежку со всякими скучными кустами, а потом, после Собинки, уж и кусты будут в диковинку.

Было же так. На этих семи-восьми километрах, спасаясь от грозы, мы дважды высаживались на великолепные пляжи, потом у самой воды начались такие буйные заросли, что до берега и веслом не дотянуться, и черемуху (кисти — как виноград) и смородину приходилось собирать, не вылезая из лодки. А повыше зарослей — леса на любой вкус: от дубрав до сосновых боров. После Собинки же вообще начинался водный туристский маршрут, утвержденный Центральным советом по туризму, и туда наезжала масса московских байдарочников. Это уж как-никак достаточно далеко от Москвы.

Но до Собинки — а до нее мы 89 километров плыли потихоньку — туристов мы видели только дважды. И тоже московских.

Клязьма оказалась темной и по цвету воды — лодка на мели, а дна не видно. Зато однажды поверхность надолго покрылась белесой пленкой, как будто выше по течению тщательно мыли мылом стадо очень грязных слонов. Это далекие заводы и фабрики посылали о себе зримую весточку.

Мы нигде еще, пожалуй, не видели речных берегов красивее и завлекательнее для туристов, чем эти. Конечно, можно посомневаться насчет воды. Конечно, клязьминскую воду можно было бы разливать по банкам и продавать в магазине «Химические реактивы», не впади в Клязьму множество чистых речушек, всяких Ушм, Пекш, Колокш... Но впадают они, родимые, да так, что из-за них и купаться в Клязьме можно и даже воду для питья кипятить.

Да, мы торжественно заявляем: из Клязьмы все еще можно пить кипяченую воду! Правда, мы не так уж сразу и не так уж добровольно рискнули своими жизнями. Сначала мы везли с собой полиэтиленовый мешок с колодезной или ключевой водой (хорошенькое дело — возить по воде воду!), но однажды ночью мешок проклюнула птица, и пришлось решиться на дегустацию Клязьмы. Пусть хотя бы читатели этому поверят, потому что наши электростальские приятели с недоверием отнеслись к такому заявлению. Но это потому, что они местные и считают, будто про Клязьму сами все знают.

А вот московский художник, тот, который, не подумав, собирался ехать вместе со мной, тот поверил. И даже отхлебнул глоток. А потом выжил, подумал и предложил нарисовать что-нибудь для этого фельетона. Звать его Герман Огородников.

Всеволод НЫРКО

ЧАЕВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

С трепетом в такси сажусь,
В ресторан вхожу с тревогой:
Мало дать «на чай» боюсь
И боюсь дать слишком много.
Не давать бы нипочем,—
На зарплате ж все, вестимо,
Только где-то я прочел:
«Чаевые — тоже стимул!»
Что ж, не прочь я дать на чай,
Пусть товарищ пьет в охотку!
Ну, а если невзначай
Вместо чая дам на водку!!
Мне увидеть бы разок,
Убедиться бы впервые,
Что действительно чаек
Кто-то пьет на чаевые!
Эй, смекалка, выручай!
Всех усердных отмечая,
Вместо мелочи «на чай»
Я вручал бы ПАЧКУ чая!

ТРУДНЫЙ УЧАСТОК КРОССА

— Ребята, осторожнее! Зерно не топчите!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Поэт и огурцы

Осень — время заготовок. Видимо, чтобы шире открыть дорогу потоку молодой картошки, арендаторы сорвали и выкинули одну створку ворот.

Торг города Чехова, Московской области, не остался в стороне от прошедшего недавно юбилея — 170-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

Это знаменательное событие работники торговли торжественно отметили завозом партии огурцов.

Может возникнуть вопрос: какое отношение имеют огурцы к великому поэту? Совершенно прямое. Чеховский смешторг арендует под склад овощей Зачатьевскую церковь (памятник архитектуры и культуры XVII века), тесно связанную с жизнью Александра Сергеевича.

Горы ящиков и бочек с квашеной капустой хорошо вписались в интерьер памятника, свидетеля многих событий семьи поэта. А там, где они вписались недостаточно хорошо, немного пооббили стены, и теперь тара вписывается в лучшем виде.

Новое применение нашла и охранная доска памятника архитектуры. Арендаторы сняли ее со стены, и теперь можно очень просто использовать ее по хозяйственному назначению, ну хотя бы накрывать бочку с солеными огурцами. А то крыша течет, живопись-фреска опадает. Не ровен час, штукатурка в бочку попадет, выйдут неприятности. Как-никак, огурец — имущество казенное.

А. ШАЙХЕТ

Дети в облаках

В городе Сарапуле на территории детского комбината начали строить гараж для личных автомашин руководителей Электрогенераторного завода во главе с его директором тов. Левиатовым. Уже рубанули сплеча цветущую яблоневую аллею, бодро отрыли котлован, энергично укладывают фундамент и подводят теплотрассу. Так что легко представить идиллическую картину недалекого будущего — детишек, снующих между колесами в облаках выхлопных газов и засыпающих под гул моторов.

Парторг предприятия тов. Гнускин, к которому обратились разгневанные родители, легко успокоил их отрадной информацией о том, что парку детского комбината предстоит вместить в себя еще довольно мощное овощехранилище. И оно, мол, отлично впишется в окружающий ландшафт.

Родители, а также жильцы соседнего дома выразили свое возмущение в письме редакции, скрепив его тридцатью семью подписями. Охотно присоединяю свою, тридцать восьмую.

КРОКОДИЛ

— Для осушения болот мы приняли решительные меры!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Фантазии не хватает

Если у человека есть фантазия, он что угодно может вообразить. Очки покажутся ему велосипедом, высотный дом — фрегатом, самолет — птицей, птица — самолетом. Пойдем дальше?..

Пойдем. Но с помощью заместителя директора Московского завода имени Куйбышева тов. Циммермана, который отправил в Калининский горпромторг шесть кирпичей и вообразил, что это автотрансформаторы. Для убедительности каждый кирпич был оценен в 14 рублей, запеленат в промасленную бумагу и сопровожден инструкцией при штампе и печати: как, дескать, этот кирпич надобно эксплуатировать при пользовании бытовыми электронагревательными приборами.

Калининцы, напротив, воображения были лишены начисто. В письме товарищу Циммерману они прозаически заявили, что получили от него не трансформаторы, а кирпичи. Они, конечно, хороши для постройки дачи, возведения забора, кладки печки-лежанки, но уж никак не для трансформации переменного тока. Поэтому не сможет ли товарищ Циммерман трансформировать кирпичи обратно в трансформаторы или по крайней мере возместить нанесенный горпромторгу ущерб?

— Не могу,— ответил товарищ Циммерман.— Ни трансформировать, ни возместить.

Тут уж калининцы вольны воображать что угодно. Ну, например, что автотрансформаторы украли жулики и подложили вместо них кирпичи. Что тов. Циммерман на этих жуликов смотрит сквозь пальцы. Что при таком его контроле продукцию будут уворовывать еще успешнее: кирпичей у нас, слава богу, больше, чем трансформаторов.

Только вот как ни силятся в Калинине вообразить кирпич трансформатором, ничего не выходит. Фантазии не хватает.

Г. РОЖНОВ

Курить — здоровью вредить

Все правильно. Все так. Один грамм никотина убивает табун практически здоровых лошадей и т. д. И все-таки...

Утро. Светит солнце, поют птицы, жизнь прекрасна. Но вам чего-то не хватает. Вы достаете пачку «Прибоя» производства Канской табачной фабрики. Берете папиросу. Разминаете ее. Стучите мундштуком о коробку. Выковыриваете кусок веревки из табака. Снова стучите, снова разминаете и удаляете на этот раз щепну. Теперь смело сминайте мундштук, чиркайте спичкой и... Вот она, первая затяжка!

Вечер. Солнце село. Птички уснули в саду. Самое время посидеть с приятелем, потолковать о смысле жизни, поразмыслить о продвижении по службе. Вы достаете пачку «Севера» той же фабрики и протягиваете приятелю. Что лучше папиросы наладит беседу, создаст настрой?

Друг достает одну папиросу. Она пустая. Другую. Тоже пустая. Третью приятель не берет.

— А еще друг...— говорит он и уходит в туман, оскорбленный в лучших чувствах.

Все правильно. Все так. Курить — здоровью вредить. Особенно если курить продукцию Канской фабрики, что в Красноярском крае.

Никаких нервов не хватит!

М. УСТИНОВ

Покорители Нового Света

Житель гор. Речицы, Гомельской области, которого вы видите на этом снимке, благополучно закончил путешествие на утлой лодчонке с подвесным моторчиком. Однако в отличие от Тура Хейердала на лице мореходца не играет победоносная улыбка, хотя и покорил он Новый Свет (центральная улица гор. Речицы).

Дело в том, что никакого нового слова в науке он, увы, не сказал, ибо подобные путешествия на лодках по городскому бездорожью давно стали неотъемлемой частью быта жителей гор. Речицы. Поэтому городские власти не только не награждают мореплавателей кубками и венками, а вообще их не замечают. Пригляделись...

А. И.

Михаил СВЕТЛОВ • ИЗ НЕНАПЕЧАТАННОГО

* * *

Я шел по лесу. Ночь была густая.
Вдруг на меня напала волчья стая.
Вы думаете, я на помощь призывал?
Прочел им две статьи —
волков и след пропал!

* * *

Ирине Бугримовой

Да, старость не радость,
и старому льву не до смеха —
Досталась Бугримовой
львиная доля успеха!

* * *

За свою долгую жизнь я уверился во многом, но далеко не всегда, думаю, уверился правильно. Можно подражать чему угодно, можно подражать стихосложению, системе образов, эпитетам, но не дай бог подражать темпераменту!

Сколько было молодых поэтов, как говорится, работающих под Маяковского! Они точно копировали его разбитые лесенками строчки, но беда заключалась в том, что они пытались скопировать его темперамент. И потому все бесследно исчезли.

Представьте себе, что я по старости лет прихожу на свидание и говорю своей возлюбленной:

— Если бы ты только знала, какой я страстный! — И уж, конечно, никакой любви нет, есть какой-то жалкий старичок, который пытается что-то доказать.

* * *

Хорошо увлечься стариною!
Но сейчас иное время в мире,
И над щепками ковчега Ноя
Гордо пролетел «ТУ-104».

* * *

Мне хочется выдумывать, но не как фокуснику, а то, что уже есть на самом деле. Мне хочется выдумать сливочное масло, и я жалею, что оно уже есть. Мне хочется выдумать домоуправление, которое не мешает жить жильцам.

* * *

Звезды не хотели идти к ней, потому что боялись обжечь ее, а планеты не подходили близко, потому что боялись, что ей будет холодно, так как они светят отраженным светом.

* * *

Тени были высокие, выше яблонь, и они думали, что это они приносят плоды.

* * *

Один поэт очень выкрутасничал с рифмами.

— Он, как муха на окне, — сказал Светлов. — Бьется о стекло, а рядом открытая форточка.

* * *

Говорили об отношении к людям. Светлов заметил задумчиво:

— Если можно сказать о человеке хорошее — скажи. Если можно не сказать о человеке плохое — слава богу.

* * *

Автор многотомного собрания посредственных сочинений как-то сказал о Светлове:

— Он пишет недопустимо мало.

— Согласен, — ответил, узнав об этом, Светлов, — но это лучше, чем писать недопустимо много.

* * *

Некий сочинитель принес в редакцию кучу своих произведений. Там было все: стихи, рассказы, фельетоны, повести и т. д.

— Это же абсолютная бездарность, — сказал редактор, показывая Светлову все это добро.

— Бездарность, — согласился Светлов, — но зато какая разносторонняя!

* * *

Рано утром к Светлову зашел приятель.

— Саша, — сказал Светлов, — как ты кстати! Я должен отлучиться, чтобы отправить телеграмму, а сейчас может прийти медсестра делать мне укол. Неудобно, если больного не окажется дома. Не говори ей, пожалуйста, что ты — не я. Пусть она сделает укол тебе, — это совсем не больно! И не стесняйся. Укол — это сейчас модно.

* * *

Человек, не знавший о том, что Светлов тяжко болен, пришел в больницу его проведать.

— Что у тебя находят? — спросил он.

— Талант, — ответил Светлов. — И, кажется, это неизлечимо.

Публикация И. ИГИНА

Евгений ШАТРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

ДОРОГИЕ ПОДРЯДЧИКИ

Преудивительный, казалось бы, совершенно невероятный случай произошел в совхозе «Останкино»: ночью исчезла добротная бетонная дорога. Поскольку землетрясений и бурных паводков в ту ночь не наблюдалось, а в черную и белую магию работники совхоза не верят, им оставалось предположить, что пропажа дороги — дело рук человеческих. Однако для того, чтобы выворотить из земли, поднять и куда-то перебросить сотни железобетонных плит, голыми руками не обойдешься, нужна вдобавок и техника — кран, автомашины...

— Не иначе, как Лобненское СМУ нашу дорогу увело. То самое, что ее и делало! — решили в совхозе.

И вот при первой же встрече с начальником строительного управления Сныткиным останкинский директор спросил:

— Не приблудился ли, Иван Иванович, к вашему хозяйству наш железобетон? Не ваши ли хлопцы разобрали дорогу, что вела к новым свинарникам?

— А вы видели их за разборкой?

— Лично я не видел, но...

— То-то, что не видели! Да и не нужна теперь вам дорога... Это же была времянка для подвозки стройматериалов.

— Мы и сами нашли бы применение освободившимся плитам. За них уплачено вам около шести тысяч рублей. Хоть деньги верните! — взмолился директор.

— А разве я подтвердил, что СМУ разобрало дорогу? — хитро прищурился Иван Иванович. — Вы докажите факт юридически.

Пришлось доказывать. Ближайшее отделение милиции завело дело, вероятно, единственное по своей оригинальности во всей всесоюзной следственной практике: дело о хищении дороги.

На место происшествия прибыл оперуполномоченный уголовного розыска лейтенант Кузнецов. Были опрошены свидетели, найдены вещественные доказательства, взвешены прямые и косвенные улики. Удалось точно установить, что дорогу действительно самовольно разобрало Лобненское СМУ, а добытые таким манером железобетонные плиты не без выгоды для себя употребило на различных стройках.

— Верните деньги! — снова просит Сныткина дирекция совхоза.

Но Иван Иванович не желает возвращать по добру ни копейки. Дело перешло в суд, затем в арбитраж. Юристы возились с ним два года, до нынешнего июня включительно.

После Ивана Ивановича появился в совхозе новый подрядчик, Николай Иванович. По фамилии Назаров, а по должности начальник передвижной механизированной колонны № 303. В прошлом году он взялся возвести различных крайне необходимых совхозу сооружений на 450 тысяч рублей, а возвел с грехом пополам лишь на 269. Нынче строительство ведется еще хуже, намного хуже.

— Верно, работаем мы слабовато, совсем почти не работаем, — сказал весной Назаров заказчику. — А в чем причина? Не создаете условий, не помогаете нашему славному коллективу. Вот скоро вы должны заселять новый дом. Дайте в нем квартиры строителям. Ваше жилье — наши высокие темпы. Ударно развернем, дружно усилим!

Легко ли совхозу отдать квартиры, которых давно ждут очередники? Но, с другой стороны, интересы производства, конечно, тоже надо принимать во внимание.

Мы побывали в совхозе через два месяца после новоселий, справленных строителями. Увидели котельную без кровли, с оборудованием, омываемым дождями. Взглянули на штабеля завезенных с прошлого года материалов. Осмотрели недоделки, все еще остающиеся на давным-давно сданных совхозу объектах. А где же усиление, разворот, высокие темпы строительства? На них нет и намека, хотя время идет, а годовой план подрядных работ выполнен к июлю меньше чем на восемь процентов.

Ни Сныткин, разобравший под покровом ночи совхозную дорогу, ни Назаров, выманивший у заказчика квартиры, уголовного кодекса не нарушали. И личной корысти в их действиях нет. Затеянная Иваном Ивановичем детективная история с железобетоном подпадает лишь под категорию хозяйственного спора, который и был разрешен государственным арбитражем в пользу совхоза. А на Николая Ивановича даже и в арбитраж нельзя подать! Нет юридических оснований.

Можно только взывать к совести. Дескать, как же вам не стыдно, дорогие подрядчики, так беззастенчиво нарушать нормы деловой этики?

И взывают. Но все как-то безрезультатно. Видимо, потому, что Сныткин время от времени дает своей совести выходной, а у Назарова она и вовсе в долгосрочном отпуске.

Дмитровский район,
Московской области.

МЫ И НАШИ ДЕТИ

-Дяденька, а какая деталь в нём самая главная?

-Можешь говорить маме, я мечтаю стать капитаном!

-Теперь даже соседи к нам водят своих детей кормить!

-Это соседи своему мальчишке пилку купили.

-Здесь мы тебя, хулигана, нашли, здесь и живи!

-Мне еще стаканчик мыльного раствора.

Рисунки Ивана СЕМЕНОВА

Александр СУКОНЦЕВ

РАССКАЗ

И зачем мне эта самодеятельность?

Если вы думаете, что я артист, вы ошибаетесь. Я не артист. Я зубной врач. И только. Правда, мне доводилось в свое время на студенческих вечерах читать монолог Чацкого. И, говорят, неплохо получалось. Но это было давно. Нет, какой я артист! Даже смешно.

Но вот недавно мой коллега доктор Савкин заявил мне совершенно определенно:

— Михаил Борисович, да вы же артист!

Не знаю, не знаю. Может быть, у него были какие-то основания.

Первым в тот день в наш зубной кабинет вошел мужчина средних лет, обросший рыжей щетиной. Сначала я его не узнал. Но, когда он сел в мое кресло и открыл рот, мне стало ясно, что передо мной слесарь из нашего ЖЭКа. Я безошибочно определяю его по запаху, едва он откроет рот. Он у меня последнее время кран на кухне меняет.

Я взял пинцет. Но сам не знаю почему, полез не в рот к больному, а в свой затылок и начал пинцетом отчаянно там скрести.

— Те-те-те,— странным голосом заговорил я,— ет чего ж с им такое приключилось-то, а?

— Болит,— жалобно сказал слесарь.

— Дак ить ет я и сам вижу, что болить, мил человек... М-да... А вот отчего он болить, вот в чем закавыка...

— Доктор,— утробным голосом молвил слесарь,— помогите... Ночами не сплю... Не дает проклятый... То и дело вскакиваю... Уж чего я с ним ни делал — и шалфеем полоскал и водкой...

— Вы бы его еще тряпочкой заткнули,— сострил я.

— Пробовал,— покорно отозвался слесарь,— не помогает.

— Эх, хе-хе-хе,— скреб я в затылке,— и чего с вами изделать — ума не приложу... Тут, конечно, хорошо бы пломбу поставить...

— Поставьте, доктор!..

— Поставьте... Легко сказать. А пломбы игде? То-то и оно, голова два уха, что нету. Промышленность не вырабатывает, чтоб ей пусто было!..

Слесарь полез в карман, пошуршал там бумажками и достал мятый рубль. Неуклюже сунул мне в руку.

Я не спеша разгладил рубль, зачем-то поглядел его на свет, поцокал: дескать, маловато, конечно, и нехотя положил в карман халата.

— Ладно уж,— сказал я,— для вас изделаю. Так и быть, ребят попрошу, достанут пломбу.

Я положил на зуб слесаря ватку и выпроводил его из кабинета.

— Денька через два загляни, мил человек...

Потом в кресло ко мне плюхнулась молоденькая продавщица из галантереи. Я иногда пытаюсь купить у нее кое-что для любимой женщины.

— Доктор, скорей, пожалуйста, скорей,— затараторила она и раскрыла ярко накрашенный рот. Кстати, заметил я себе, той самой помадой, которую я никак не могу достать в этой галантерее.

— Что, на пожар что ли? — спокойно сказал я.— Успеете.

— Но у меня же острая боль.

— У всех острая боль,— так же спокойно отрезал я и повернулся к своему коллеге Савкину: — Знаете, вчера был у Потапа Иваныча, «козла» забивали. Не поверите, я сидел с двумя дуплями, а у него рыба вышла. Везет же человеку. Но зато потом...

— Доктор,— взорвалась моя пациентка,— это — безобразие! Перед вами живой человек, больной к тому же, а вы о каких-то рыбах, о дуплях волынку разводите...

— Ага,— сказал я ядовито,— значит, вы живой человек, а доктор, значит, не живой? Доктору уж нельзя и на минутку по своим надобностям отлучиться?

И я как ни в чем не бывало продолжал рассказывать Савкину о том, как развивалась наша «козлиная» баталия дальше.

— Черт знает что! — не выдержала моя галантерейная пациентка.— Я буду на вас жаловаться, вы вылетите отсюда в трубу! — Она вскочила с кресла и побежала к выходу.

— Катись, телега! — лениво кинул я вдогонку.

В дверях оскорбленную продавщицу едва не сбил с ног наш заведующий поликлиникой. Увидев, что мое кресло свободно, он ринулся ко мне и молча ткнул пальцем в свою щеку. У заведующих тоже иногда болят зубы, чтоб вы знали. Как у всех нормальных людей.

Заведующий сидел в кресле, а я, повернувшись к нему спиной, писал в толстой книге приема пациентов стихи. Иногда на меня находит. Потом проверил старую облигацию вещевой лотереи по обрывку газеты, которая лежала в книге приема.

— У-у,— позвал меня заведующий.

Но я, понятно, не обратил на его нечленораздельное восклицание никакого внимания, перевернул обрывок газеты и стал читать.

Тогда заведующий дернул меня за халат.

— Вы ко мне, товарищ? — сухо спросил я, повернув голову.

Заведующий еще раз красноречиво ткнул себя в щеку, открыл рот и пальцем показал мне свой гнилой зуб.

— У меня на сегодня прием закончился,— сказал я.— И вообще, вы напишите вашу просьбу в письменном виде и передайте моему секретарю.

И я опять углубился в газету.

Заведующий вскочил и дернул меня за плечо.

— Вы еще не ушли? — удивился я.— Я же сказал вам все русским языком. До свиданья.

С недоуменным воем заведующий выбежал вон.

Вот, по-моему, как раз в этот момент, когда в зубном кабинете наступила тишина, коллега Савкин и высказал мне свой странный комплимент. В том смысле, что я артист.

Не знаю, не знаю. Может быть.

Только на другой день в приказе по поликлинике мне был объявлен выговор. И, когда я прочитал об этом, я сказал коллеге Савкину:

— Вот как у нас ценят самодеятельные таланты.

Зато к концу приема пришел слесарь с перекошенным и еще более обросшим лицом и украдкой сунул мне четвертинку и два малосольных огурца, завернутых в газету.

Я поставил ему пломбу. Я же зубной врач. Я вас сразу об этом предупредил.

Продавщица-галантерейщица, правда, больше не появлялась. А жаль!

Леонас КЯУЛЕЙКИС

ПАССАЖИРЫ

(Из рассказов таксиста)

I. РАССЕЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

— Куда?

— Антакальнис.

...Сердце красавиц склонно к измене
и к пе-е-е-ремене, к-а-а-н ветер мая...

— Что такое? Здесь был дождь?

— Нет,— отвечаю,— мостовую полили.

— Неправда, мы плывем по реке. Ты капитан, у тебя в руках штурвал.

— Нет, я не капитан, я шофер.

— Нет, капитан, и мы обгоняем пароходы. Хочешь пива? Нет, тебе нельзя. Позволь я тебя поцелую. Мне нравится твой нос. Говорят, что мы, литовцы, носом землю пашем. С тобой мне ничего не страшно, тепло и уютно... И счетчик стучит, как сердце влюбленного.

...Ласки их любим мы, хоть они ложны,
Жи-и-и-ть, невозможно без наслаждений...
Налейте, налейте бокалы веселья...

Он высунул голову наружу и вдохнул воздух.

— Какой банальный рассвет! Серые воробьи, серые переулки и серые пыльные мысли. А ты знаешь,— продолжал он,— что человек подобен колодцу? Сколько из него ни черпай, все равно найдет о чем поговорить. Особенно с утра... Стой! Я хочу закурить...

— Пожалуйста.— Я протянул пассажиру пачку сигарет.

— Нет. Я сам... сам должен купить у той блондинки. Поцелую этот светлый локон, затянусь дымом и подставлю лицо лучам восходящего солнца...

— Там не табачный киоск,— говорю я,— это кинореклама.

— Какая разница! Но почему это я дрожу?

...а ты ул-л-ыбайся и лиц-цо м-м-мажь
м-м-мукою... сме-е-ейся, па-аяц...

— Вам, наверно, холодно, потому что вы в пижаме...

Он стал рассматривать себя с удивлением.

— О мама миа! Как в том анекдоте! Я провожал приятеля из санатория на станцию. Но вышло почему-то так, что приятель остался, а вместо него уехал я... Куда же мы теперь?

— На Антакальнис,— напомнил я.

— Зачем же, ведь квартира заперта, а ключа у меня нет. Поворачивай обратно в Друскининкай.

Когда выехали из города, мой пассажир крепко спал.

II. МЕТАМОРФОЗА.

— Куда?

— Я сам знаю, куда... Езжай прямо! Почему мокро? Был дождь?

— Нет,— отвечаю,— мостовую полили...

— А покрышки хорошие?

— Стертые, пора менять.

— Значит, скользят, как корова на льду. А тормоза хотя бы исправные?

— Не знаю, только смену принял.

Пассажир подозрительно принюхался.

— Остановись!

Затормозил.

— Что-то ты мне кажешься подозрительным. Признавайся, выпил?

— Ну, что вы, как можно, я же понимаю, что это значит...

— А в машине пахнет водкой! А ну, дыхни!

— Ну, что вы...

— Дыхни, а то сейчас же позову милиционера.

— Пожалуйста, могу и дыхнуть...

— Откуда же все-таки запах алкоголя? — допытывается он, не спуская с меня глаз.

— Правда, не знаю. Может быть, остался от двух подвыпивших мужчин, которых я отвез на вокзал?

— Почему же ты вез пьяных на вокзал, а не в милицию?

— Так они же могли опоздать на поезд...

— Вы, как официанты. Пьяного легче обсчитать.

Мне стало обидно и грустно, и я вытащил сигарету.

— А ты знаешь, что за рулем курить нельзя?

Я положил сигарету обратно.

— Я не переношу запаха дыма и алкоголя. Прямо! Нет, останови, подожди меня здесь. Зайду в гастроном. Да, но мой чемодан в багажнике...

Поколебавшись несколько секунд, он вынул блокнот.

— Номер машины? Фамилия?

Вернувшись с покупками, пассажир снова принялся меня внимательно разглядывать.

— Чем-то мне знакомо твое лицо.

— Да,— говорю,— недели две назад я вез вас в пижаме в Друскининкай.

До Антакальниса мы ехали молча.

Перевела с литовского
Ел. КАНТОР.

Игорь МАРТЬЯНОВ

«ВОСПИТАТЕЛЬ»

Вы вряд ли будете, читатель,
Вступать со мной в напрасный спор —
Любой начальник —
Воспитатель.
Известно это с давних пор.
А посему он знать обязан,
Как говорят, наперечет:
Кто чем живет,
К чему привязан,
Куда и что кого влечет
Вот в этом деле мастер цеха —
Я назову его Кузьмич —
Довольно крепкого успеха
Сумел, мне кажется, достичь.
Он знает всех.
Вот слесарь Жучкин —
На пол мужской не бросит тень:
С ним можно выпить в день получки
Да и в другой, обычный день.
У Филимонова — два брата,
Причем один из них завмаг.
Лишь попроси —
Он все по блату
Достанет, как индийский маг.
А карусельщик Маслов Сеня
Купил недавно «Москвича»,
Он на рыбалку в воскресенье
Свезет без слова Кузьмича.
Уже четыре с лишним года
Сверловщик Галкин держит пчел.
Как страстный обожатель меда,
Кузьмич и этот факт учел.
Иван Петров —
Всегда любезно
Экран наладит у «Луча»...
...Да, знать людей
Весьма полезно
Для вот такого Кузьмича!

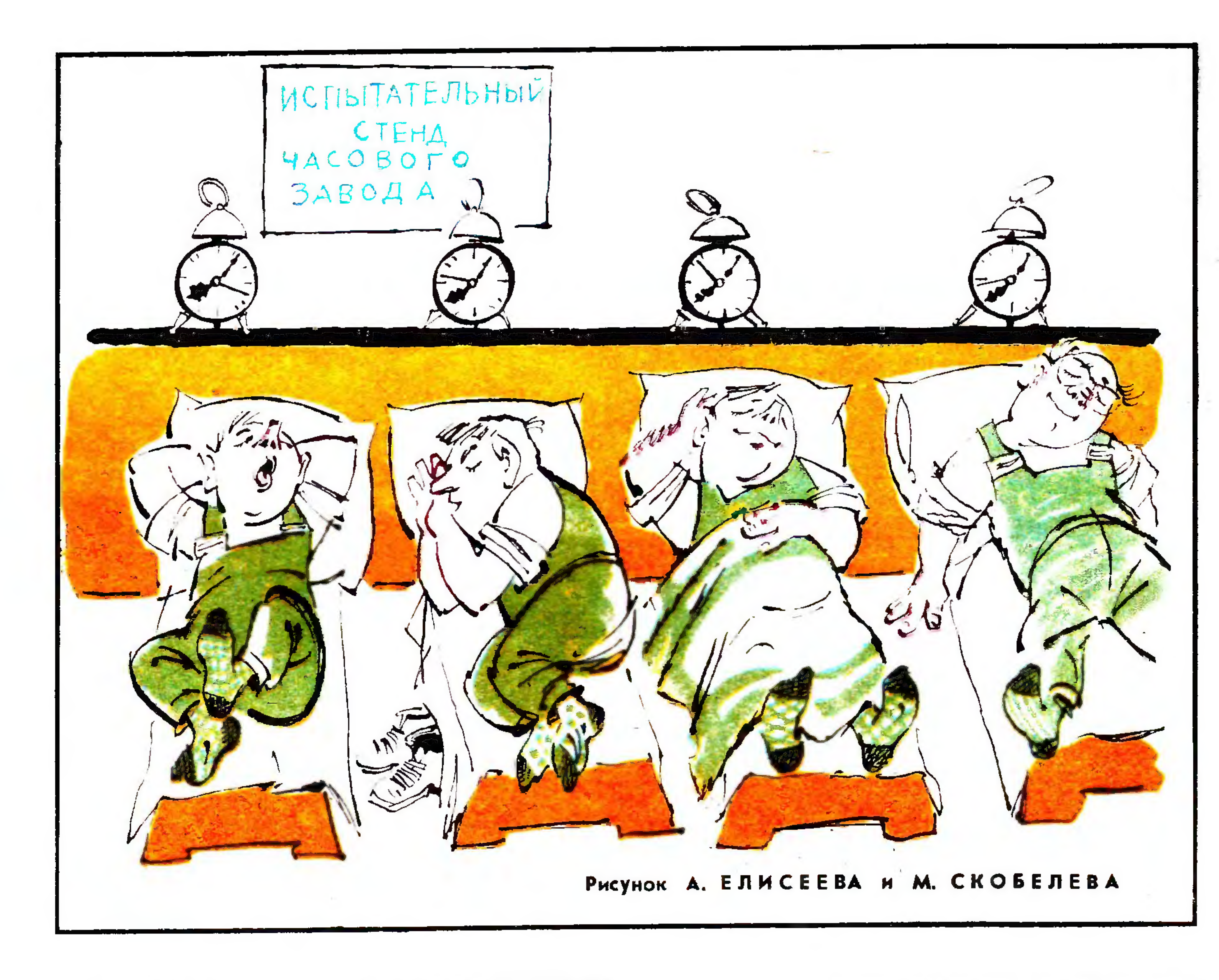

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Ясон ГЕРСАМИЯ, Андрей НИКОЛЬСКИЙ,
специальные корреспонденты Крокодила

ПОТРЯСЕНИЕ В КАРЕЛИ

В Карели, как правило, не бывает происшествий. Просто каждое утро над райцентром всходит солнце. И когда оно поднимается метров на двадцать, ну, от силы на двадцать пять, из своего дома выходит районный прокурор Цицкишвили. Он не торопясь шагает по центральной улице, здоровается с многочисленными знакомыми и, наконец, занимает свое служебное место в прокуратуре.

Конечно, это событие нельзя назвать происшествием. Потому что в это же время по той же улице направляются на работу и следователь прокуратуры, и начальник районного отделения милиции вместе со своим штатом оперативных и участковых уполномоченных, и работники железнодорожной милиции, и народный судья, и многие другие — все, кто следит за порядком в Карели.

Надо сказать, что их усилия увенчиваются успехом. Первый секретарь райкома партии товарищ Толиашвили так и сказал:

— У нас в Карели за последние три года происшествий не было.

Но произнес он эти слова не с оттенком сдержанной гордости, который приличествовал бы данному случаю, а, пожалуй, с оттенком грусти.

Нам пришлось проверять в Карели одно дело, которое, если честно говорить, на первый взгляд не стоило и выеденного яйца. Но потом его как-то раздули, и получилась история самого что ни на есть детективного плана.

А дело было так: в одну майскую ночь кто-то позвонил в квартиру председателя райисполкома Копадзе. И, по сути, ничего интересного больше не произошло.

Правда, сам Копадзе рассказывает об этом эпизоде в более устрашающем варианте:

— Около двенадцати я спал, а жена не спала. И вдруг она слышит, что в коридоре кто-то ходит. А потом вдруг раздается звонок. «Кто?» — спрашивает жена. «Откройте и увидите, кто». Тогда я проснулся и тоже спросил: «Кто?» «Откройте и увидите». Мне показалось, что за дверью работник нашего района, председатель свиноводческо-птицеводческого объединения Коберидзе. А когда мне это показалось, жена скорей начала звонить в милицию, а тот, кто звонил в дверь, взял и поскорее ушел.

Хотя от такого рассказа и становится боязно, но все-таки не слишком страшно, потому что как ни крутись, ничего председателю не угрожало.

Мы не могли понять, почему Копадзе так перепугался, услышав голос своего сотрудника. И пошли взглянуть на последнего, чтобы убедиться, действительно ли он так страшен, как можно заключить из рассказа.

Но Коберидзе оказался совсем не страшный. И к тому же давно занятый на руководящих должностях: сначала председатель колхоза, а сейчас председатель свиноводческо-птицеводческого объединения.

После злополучного звонка по следам посетителя устремилась погоня. В нее включились подоспевший сержант милиции Маминаджанашвили, а также сам Копадзе на легковой автомашине. Это была увлекательная ночь, богатая приключениями, которые мы опускаем ради экономии места. Однако ни Коберидзе, ни кого-то другого, а также ни кого-то третьего изловить не удалось.

И тем не менее Копадзе заварил кашу.

Утром на стол первого секретаря райкома партии Толиашвили легло заявление о ночном звонке. И заканчивалось оно такими решительными словами: «Докладываю и прошу принять меры против коммуниста Коберидзе».

Видимо, Толиашвили не подумал, что каша заварена на мутной воде, а также о том, кому ее придется расхлебывать. Он дал указание прокурору Цицкишвили заняться проверкой.

Дело в том, что между Копадзе и Коберидзе с некоторых пор сложились не совсем доброжелательные отношения. Об этом знали и Толиашвили, и второй секретарь райкома партии Нозадзе, и прокурор Цицкишвили. И, судя по их словам, не было у районного руководства большей заботы, чем помирить этих двух почтенных мужей.

Может быть, попытки примирения удались бы. Но тут вот возникло дело с ночным звонком, которое надо было как-то разъяснить.

Работники юстиции сразу установили, что Коберидзе в ту ночь не было в Карели. Он ночевал за тридцать километров, в Гори, у знакомых. На юридическом языке это называется алиби. Оно было бесспорным. Дали объяснения сами знакомые, и дежурный по станции, и машинист, и помощник машиниста, и другие лица, которые разными путями подтверждали алиби.

Уже пора было извиняться перед Коберидзе, но тут почему-то выплыли на свет божий отпечатки следов, которые оставил поздний визитер.

На другой день в кабинете второго секретаря райкома партии Нозадзе снова началась проверка. У Коберидзе изымают обувь. Гипсовые слепки и полуботинки опечатываются и направляются на экспертизу в Тбилиси, а их хозяин в чужих ботинках отпускается домой. До выяснения.

Но выяснение не дало результатов. Тбилисская научно-исследовательская лаборатория судебной экспертизы прислала ответ: «Установить идентичность не представилось возможным».

И тогда у нас возник вопрос, единственный вопрос, который почему-то до сих пор не поднимался в этой увлекательной детективной истории:

— Ну, а если бы действительно звонил Коберидзе, что тогда? Допустим даже, что это были отпечатки его ботинок. Какое полагается наказание за то, что кто-то нанес поздний визит своему руководителю?

Точки зрения на это были разные.

Первый секретарь райкома партии Толиашвили сказал:

— Может, я, конечно, виноват. Не надо было ничего разбирать.

Прокурор Цицкишвили сказал:

— А я хоть и стою на страже закона, но, может, я и не виноват. Мне начальство велело.

Председатель райисполкома Копадзе сказал:

— Мало ли что алиби! Я, как коммунист, считаю, что Коберидзе надо обсудить и наказать.

Вот какое сильное потрясение произошло в Карели из-за того, что кто-то позвонил в чью-то дверь.

И теперь, к сожалению, Карели уже не может считаться тем безмятежным уголком, в котором никогда не происходит никаких жутких происшествий.

пос. Карели,
Юго-Осетинская АО,
Грузинской ССР.

Гарри ФРИМЭН,
американский журналист

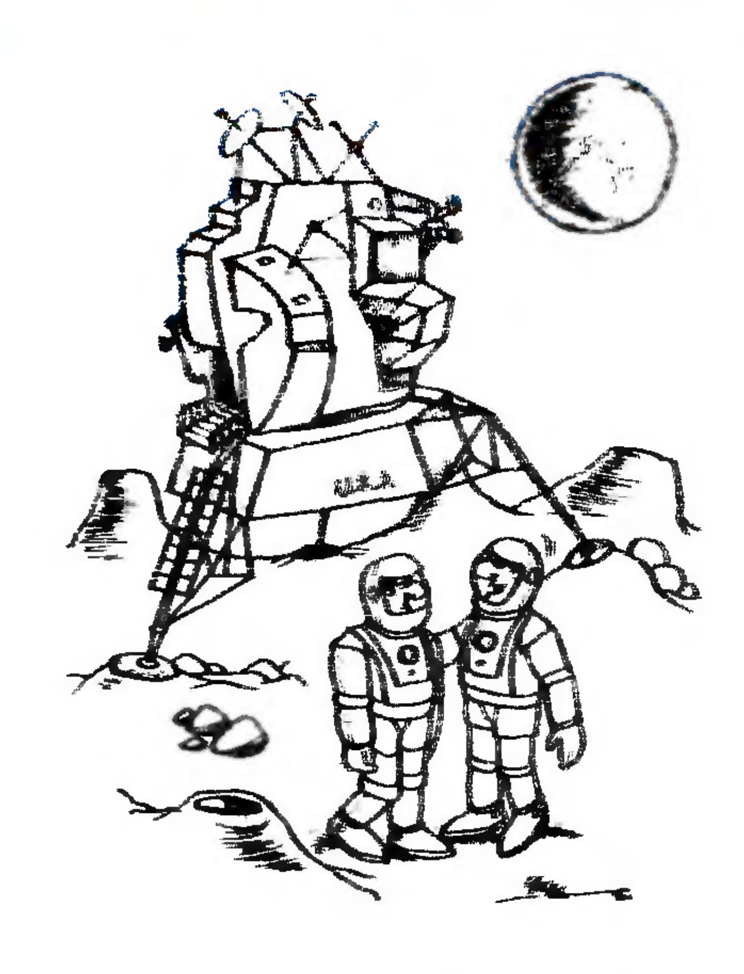
ЛУННАЯ ПЫЛЬ

Первый вопрос, возникающий в связи с полетом «Аполлона-11», был ли он действительно на Луне? Кое-кто у нас в Соединенных Штатах в этом отнюдь не уверен. Например, миссис Марион Хопкинс-Дей, немолодая уже дама, сдающая комнаты постояльцам в городке Макги, штат Арканзас. Она твердо убеждена, что вся лунная эпопея — громадное надувательство. Спокойно и уверенно, как человек, знающий, о чем говорит, она заявила корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс»: «Я не верю, что они были на Луне. Если бы Всевышний в своем провидении намеревался допустить людей на Луну, он бы соорудил туда лестницу».

Но, конечно, подавляющее большинство американцев убеждено, что астронавты Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин действительно оставили рубчатые следы своих тяжелых башмаков в лунной пыли. Некоторые ловкие американские предприниматели пытаются даже быстренько заработать на космосе. Вместо того чтобы снимать с себя более или менее обычные одеяния, артистки стриптиза в одном из ночных клубов Лас-Вегаса, в штате Невада, скидывают с себя по частям космические комбинезоны. Один из баров в Рено — другом центре игорного бизнеса — предлагает посетителям лунный коктейль, не уточняя, правда, входит ли в число ингредиентов напитка настоящая пыль с настоящей Луны.

Космический центр в Хьюстоне, штат Техас, засыпан письмами с просьбами прислать хоть кусочек Луны. Мотивы просьб самые различные. Некая женщина, живущая в Чикаго, убеждена, что лунная пыль — незаменимое средство для лечения всех болезней, включая, разумеется, и те, что еще не поддаются усилиям медицины. Она попросила несколько кусочков Луны, дабы истолочь их и сделать из них горчичники. «Это — вернейшее средство для лечения сердечных и почечных заболеваний,— пишет она,— поскольку лунная пыль, мне это точно известно, способствует улучшению работы всех внутренних органов».

Житель Бруклайна, штат Массачузетс, движим более сентиментальными побуждениями. «Вот уже много лет,— пишет он в Хьюстон,— как я обещаю жене кусочек Луны. Если вы верите в гуманность и любовь, сделайте замечательное дело — пошлите ей хотя бы крошечный кусочек Луны».

— Ни травинки, ни деревца, ни воздуха — совсем как в нашем городе!

«Эуропео», Милан

Авторов других писем меньше заботит сентиментальная сторона дела. Для них характерен чисто коммерческий подход. Один мальчуган из штата Канзас пишет: «Я хотел бы выяснить, почем идут земельные участки на Луне. Сообщите мне с тем, чтобы я знал, могу ли я позволить себе купить там какой-нибудь участок».

Мальчишке, возможно, не дают покоя лавры Рокфеллеров, Асторов и других спекулянтов недвижимостью, наживших на земельном буме несчетные миллионы.

Некоторые американцы побаиваются, что полет «Аполлона-11» вконец расстроил земную атмосферу, и без того не радующую в последнее время пристойной погодой. Вскоре после старта «Аполлона» я поехал немного отдохнуть на живописных берегах восточного Лонг Айленда, что милях в ста от Нью-Йорка. Затяжные проливные дожди заставили кое-кого из отпускников то и дело мрачно задирать голову и сокрушенно бормотать: «Не иначе, как они проткнули небо!»

Мой сосед, автомеханик, неодобрительно сказал мне: «Как хотите, а с небом надо быть поосторожнее».

Были и другие причины для опасений. Одно письмо в Хьюстон было подписано: «Чрезвычайный и полномочный посол демократической республики на звезде Сириус». Автор письма, опущенного, кстати, в Чикаго, выразился точно и ясно, скорее в тоне ультиматума, чем дипломатической ноты: «Руки прочь от Луны, иначе вы будете отвечать за последствия».

Некоторым американцам не терпится разделить славу Армстронга и Олдрина и оставить свои следы на Луне. Авиакомпании получили десятки писем с запросами о ценах путешествия на Луну, туда и обратно, разумеется.

Некая дама из Ричмонда, штат Вирджиния, чей муж, по-видимому, не равнодушен к виски, еще не решилась совершить лунное путешествие сама, но готова послать на Луну своего супруга. Она написала в Хьюстон: «Вам, наверное, нужны люди, умеющие хорошо сохранять равновесие. Хочу предложить вам моего мужа, который, сколько бы ни выпил, никогда не падает».

Если ричмондская дама хотела бы послать на Луну мужа, то американские мужья интересуются возможностью приобрести билет на Луну для своих тещ, добавляя, что обратный билет их не интересует.

В древние времена верили, что Луна вызывает умственные расстройства у психически неустойчивых субъектов. Реакция некоторых американцев на потоки информации о полете «Аполлона», которые обрушились на них с экранов телевизоров, со страниц газет и из динамиков радиоприемников, заставляет подозревать, что древние, возможно, не так уж и ошибались. Наблюдая некоторые земные последствия своей лунной одиссеи, герои «Аполлона-11», вероятно, время от времени будут тосковать по лунной тишине.

Нью-Йорк.

— Придется дать задний ход...
— Ни в коем случае! Запрещено Пентагоном!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

РИМ. Итальянский писатель Дж. Б. Викари направил в Пекин, в адрес одного из литературных учреждений, письмо с просьбой прислать работы современных китайских писателей-юмористов. Вскоре он получил вежливый ответ, что в настоящий момент просьбу его удовлетворить не представляется возможным по причинам отсутствия в Китае литературы юмористического направления.

* * *

ПАРИЖ. В проспекте путешествий через Атлантику на борту океанского лайнера «Франс» приводится множество подробностей об удобствах, ожидающих пассажиров. Вот некоторые из них:

«Стоимость проезда в США — 50 долларов; кухня первоклассная; обслуживание и удобства, достойные лайнера-люкс; сервис — прямо-таки королевский».

Для чревоугодников опубликовано и меню:

«РАГУ «ФРАНС»: фирменное блюдо из рубленого цыпленка и овощей.

ЛЮБИМОЕ БЛЮДО ТУТУ: консоме из говядины, овощи, тосты.

ДЛЯ МУЖЧИН, ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН! — филе из говядины, задняя телячья ножка, бисквиты».

Ну, чем не королевский сервис? И главное, что предназначен он вовсе не для королей, а для собачек, сопровождающих своих состоятельных хозяев.

* * *

МАНЧЕСТЕР. Двадцатичетырехлетний пианист Майкл Джордж установил своим выступлением в Манчестере новый рекорд непрерывной игры на рояле. Он просидел за клавиатурой сто девяносто пять часов и одиннадцать минут — ровно столько, сколько потребовалось «Аполлону-11», чтобы долететь до Луны, сделать посадку, выполнить задание и вернуться на Землю...

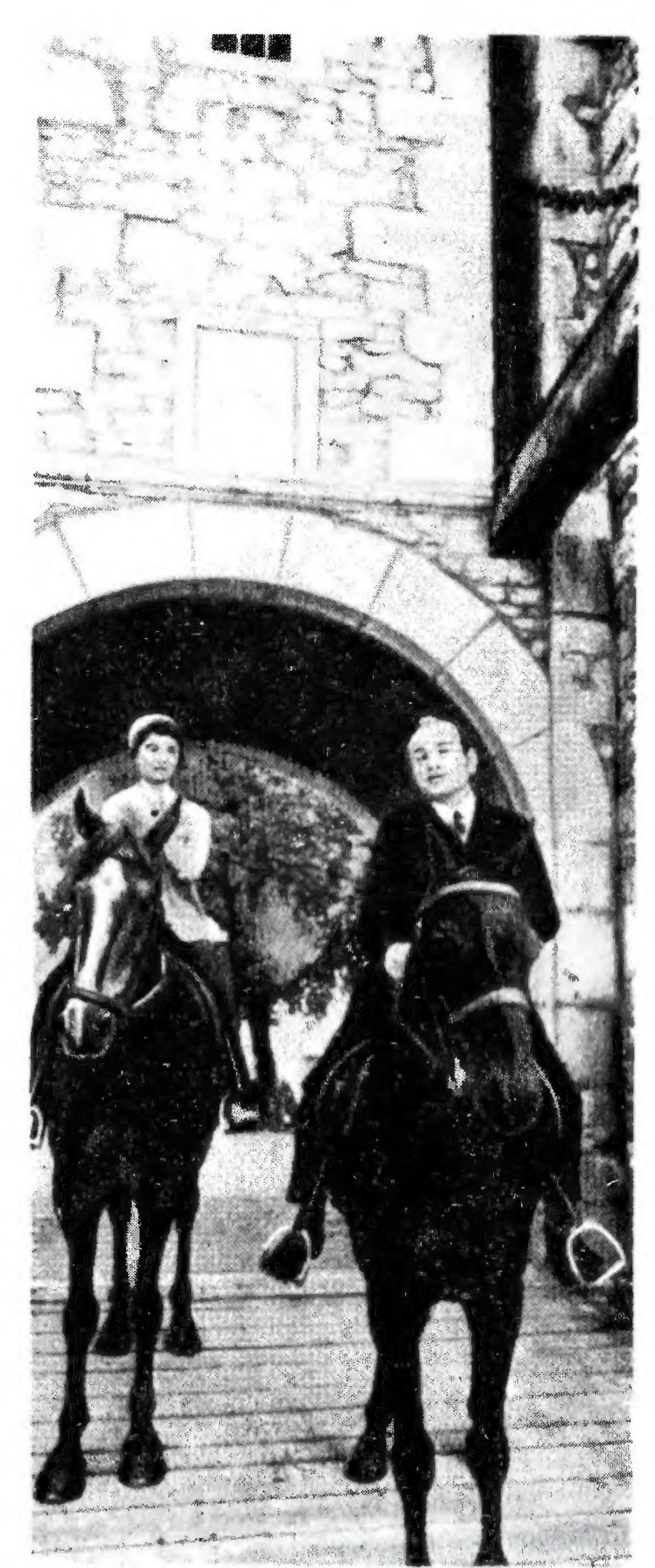
Зиновий ЮРЬЕВ

БЕРНИ КОРНФЕЛД, СПАСИТЕЛЬ КАПИТАЛИЗМА

Мне, признаюсь честно, давно не давала покоя мысль о народном капитализме. Не то, чтобы я сам мечтал стать капиталистом, да еще и народным,— где уж там! Нет, просто хотелось посмотреть на эту удивительную штуковину. Постепенно у меня даже возник некий собирательный образ воображаемого бизнесмена, несущего знамя народного капитализма. Был он, этот образ, какой-то несуразный. С одной стороны, думалось мне, это должен быть идеалист с горящими глазами, фанатик с лохматой шевелюрой, нечто вроде бродячего проповедника, поносящего социализм и коммунизм. С другой — как-то странно было представить себе капиталиста, хотя и народного, в апостольском рубище и с сумой через плечо.

И вот на днях, представьте, читаю в американском журнале «Ньюсуик» о таком точно поборнике народного капитализма. «Мы,— говорит он,— наполнили смыслом понятие «народный капитализм». Мы спасаем капитализм и улучшаем человеческое существование. Мы намерены буквально превратить пролетариат в благоденствующий класс, превратить безболезненно и без насилия».

Ну, думаю, есть. Нашелся все-таки один страстотерпец, взваливший на себя бремя превращения рабочих в капиталистов. Задачка не из простых, почище, чем у евангельских пророков, несших в массы слово христово. Я так и впился в статью глазами: сейчас, думаю, и узнаю, как живут новоявленные проповедники слова биржевого. Так и есть. Все подробно описано и даже фото приложены.

Спасителю капитализма и благодетелю пролетариев всего сорок два года. Зовут его Берни Корнфелд, и, хотя он американский подданный, живет в Швейцарии, на берегу Женевского озера во дворце, который Наполеон, по слухам, построил для своей Жозефины. Есть у мистера Корнфелда еще где приклонить голову — в Париже и в Лондоне, но прописан он, так сказать, в своем наполеоновском дворце.

Э, думаю, что-то Корнфелд не очень похож на бескорыстного бессребреника. Читаю дальше и глазам своим не верю. У нашего проповедника в сейфах не более, не менее, как СТО миллионов долларов. Сто, заметьте, я написал прописью, чтобы не было ошибки.

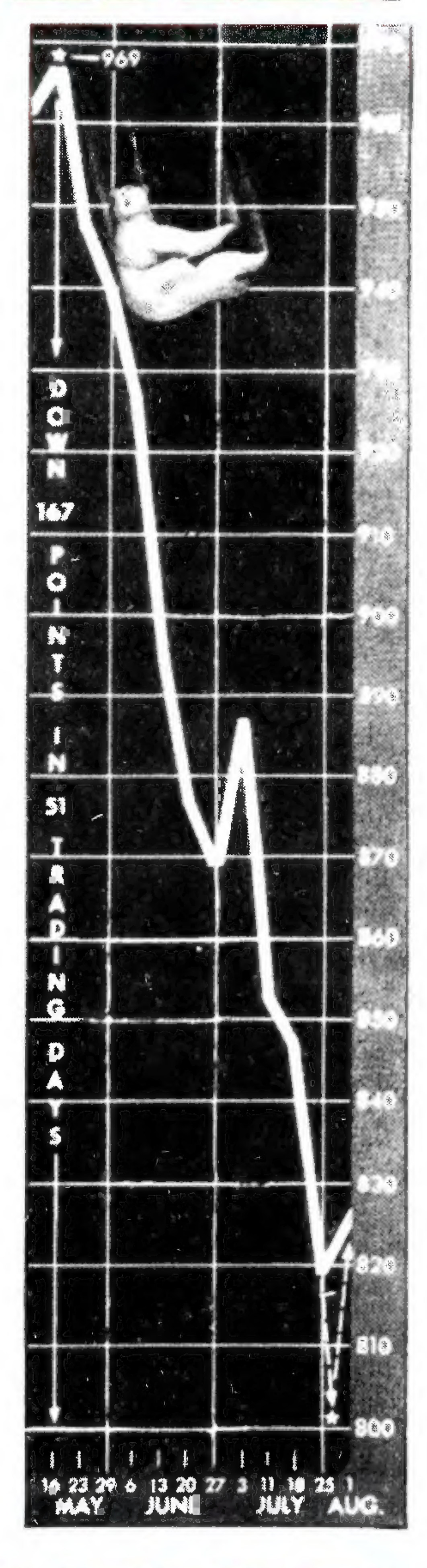
Неподалеку от дворца собственный аэродром, где всегда стоят наготове три собственных реактивных самолета с собственными пилотами, которые, надо думать, приобщаются к идее народного капитализма и на земле и в воздухе. Во дворе среди «роллс-ройсов», «линкольнов» и «кадиллаков» бегают прирученные леопарды. Зверье это, очевидно, держат не только для красоты, но и для того, чтобы звери могли проникнуться передовой философией мистера Корнфелда. Еще, кроме зверей, по дворцу и по лужайке бродят блондинистые и брюнетистые красавицы. Они скорее всего тоже приобщаются к народному капитализму в лице холостяка Берни.

Вообще все четырнадцать тысяч служащих его компании должны, по желанию хозяина, быть «вдохновлены» его идеями. А так как платит он щедро, идеями народного капитализма загорелись и такие состоящие у него на довольствии деятели, как лидер третьей по величине политической партии в ФРГ Эрих Менде, сын президента США Рузвельта, шведский граф Бернадотт.

Сам спаситель капитализма особенно себя не утруждает. Любитель повеселиться, он редко ложится спать раньше четырех часов ночи и никогда не встает раньше полудня. Поскольку, надо думать, Корнфелд ночью капитализм не спасает и пролетариат не ликвидирует, то делает это он преимущественно днем в течение двух-трех часов с помощью тщательно подобранного штата.

Как же это все-таки он культивирует народный капитализм, загребая при этом около десяти миллионов долларов в год? Очень просто. Он продает в рассрочку акции различных компаний, уверяя своих клиентов, что цена этих акций будет все время расти. И, дескать, с божьей и его, Берни Корнфелда, помощью держатели акций будут становиться все богаче, тем самым превращаясь в народных капиталистов. Просто и гениально. Все вдохновлены, все делают деньги, пролетарии богатеют и исчезают как класс, капитализм спасен, социализм посрамлен, детки вместо слов «папа» и «мама» бормочут «Бел-ни», а сам он к одной сотне своих миллионов добавляет вторую.

Только вот одна маленькая, скорее даже малюсенькая деталь. Такая малюсенькая, что даже неловко говорить о ней на этом фестивале народного капитализма.

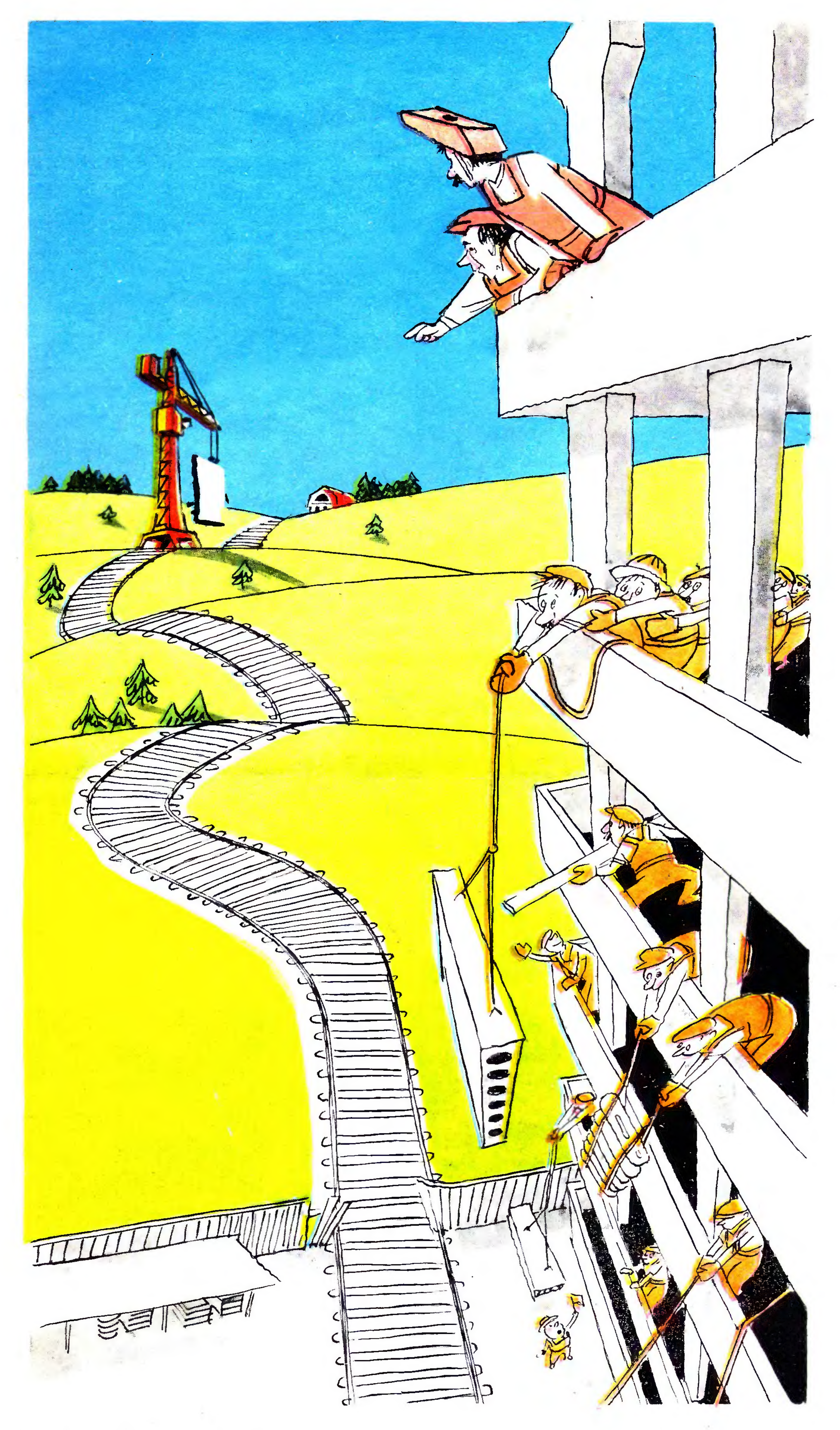
Передо мной графическая таблица курса акций за последние четыре месяца. Белая полоса летит вниз столь стремительно, что американский художник Р. Чейпин, нарисовавший схему, никак не мог усадить на склон горы медведя — символ падения курса. Вот и летит косолапый вниз вместе с кривой.

Позвольте, спросите вы, при чем здесь добрый человек с Женевского озера Берни Корнфелд? А очень при том. Все, кому он продал акции до мая, купили их по курсу около девятисот семидесяти пунктов (это обобщенный показатель цены). Сегодня же курс немногим больше восьмисот. Мистера Корнфелда это не волнует. Его клиенты, купившие акции **в рассрочку,** продолжают платить по высшей цене, хотя бумаги эти потеряли изрядную часть своей стоимости.

Бедные народные капиталисты! Их надули, надули самым бессовестным образом, всучили трухлявый товар, залезли в карман и вытащили последние сбережения.

Так что не будут звонить колокола, и младенцы не будут умиленно лепетать «Бел-ни». Будет все то, что уготовано простому человеку капитализмом. И ничего более.

А Берни Корнфелд? По последним сообщениям, он уже присматривает себе четвертый реактивный лайнер...

— А где Петя-крановщик?
— Опять уехал на дачу к Ивану Кузьмичу.

Рисунок
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Петр СТЫПОВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ВЫСТАВКИ

— Итак, товарищи,— энергично начал директор и поправил узел галстука,— мы участвуем в мебельной выставке в масштабе всей страны. Остается засучить рукава и показать, что мы умеем делать продукцию изящно, современно, прочно. Предлагаю составить списки лучших работников и устроить с ними еще пару совещаний, чтобы толково объяснить, чего мы от них хотим. Значит, подготовьте через день-два людей и...

Однако директор, с удовольствием прислушивавшийся к собственным фразам, не успел завершить свою мысль. Секретарша Стефи вынула из папки какое-то письмо и небрежно сказала:

— Все это хорошо, только у нас нет времени.

— Как так? — вытянул шею директор.

— Очень просто. Нам написали за пять дней до открытия выставки.

— Невозможно! — сказал бригадир.— Сидят в министерстве и сами не знают, чего хотят.

Поднялся такой шум, что директор хлопнул ладонью по столу и решительно сказал:

— Постойте, друзья! Нужно обсудить положение по-деловому, мудро. За пять дней нам не сделать даже простого гардероба, потому что у нас с вами высокое чувство ответственности. А от нас требуют современные кресла, стулья, столы и так далее.

Стефи к этому времени успела пройтись пилкой по своим розовым ноготкам. Затем она тщательно обдула пилку и, усмехнувшись, сказала:

— Между прочим, на выставку принимают только образцы из наличной продукции.

— Из наличной я бы не рекомендовал,— кисло усмехнулся кто-то из мастеров.

Все опустили глаза и стали рассматривать свою обувь.

Директор побарабанил пальцами по зеркальной поверхности стола и сказал:

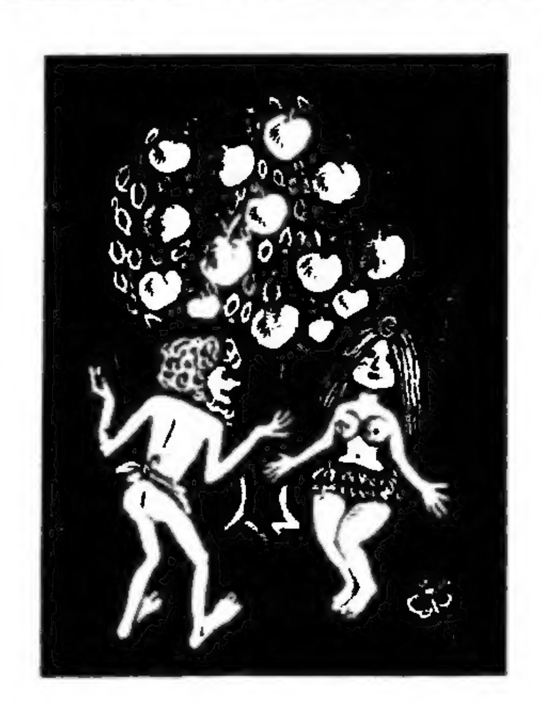
— Но все же поищем, товарищи. Мобилизуйте для этого все силы. Идите на склады, посмотрите в цехах. Может, нам улыбнется счастье и случайно мы найдем что-нибудь подходящее...

Через час, унылые и озабоченные, все снова сидели в кабинете. Результаты поисков были написаны на лице у каждого. Директор хмуро оглядел собравшихся и тяжко задумался. Все молчали. Внезапно он подскочил на стуле и крикнул:

— Эврика! Вот они, наши образцы!— Торжествующим жестом он обвел рукой мебель в своем кабинете и добавил: — Зовите грузчиков!

Сокращенный перевод с болгарского.

ПРОСТО АНЕКДОТ

Во время урока закона божьего кюре спрашивает ученика:

— Ты можешь сказать, до какого времени Адам и Ева находились в раю?

— До осени.

— Почему?

— Раньше яблоки не созревают...

●

Женщина дает милостыню одноногому нищему.

— Мне кажется, сеньор, что вчера вы стояли на правой ноге, а сегодня почему-то — на левой.

— Вы правы, но согласитесь, что очень утомительно стоять два дня подряд на одной ноге!

●

Он:

— Твой младший брат видел, как я тебя поцеловал. Что мне ему дать, чтобы он никому не говорил об этом?

Она:

— Обычно в таких случаях ему дают двадцать пять центов.

●

Зритель, покидая театр, обращается к соседу:

— Хорошо, что я прочитал рецензию, а то бы мне эта пьеса понравилась.

●

Режиссер, глядя сквозь щель в занавесе, спешит приободрить актеров:

— Не бойтесь, сегодня мы играем против них с численным превосходством!

●

— Поверьте, дружище, для человека всегда прекраснее само желание, чем его исполнение.

— Видно, вам никогда не приходилось во время проливного дождя догонять последний автобус!

●

Жена обращается к мужу:

— Мне уже опротивела такая жизнь. Позавчера ты пришел домой вчера. Вчера пришел сегодня. Если сегодня ты придешь завтра, то послезавтра я подам заявление о разводе.

●

Если когда-нибудь вы не увидите на улице трамваев, — не удивляйтесь. Это будет означать, что трамвайщики досрочно выполнили план перевозок.

●

— Папа, ты боишься зайцев?

— Нет!

— А тогда почему ты берешь с собою собаку и ружье, когда отправляешься на охоту за ними?

●

Телефон не столько объединяет друзей, сколько разъединяет.

А. ТИШКОВСКИЙ

Плохо быть кентавром: соображаешь, как человек, а работаешь, как лошадь.

А. ВОРОБЬЕВ

МИМОХОДОМ

Туман в голове обычно конденсируется в словесную воду.

Сплетни удивительно легко переводятся с одного языка на другой.

В. ВЕТРОВ

Жонглер по привычке ловил каждое слово директора цирка.

С. КУКАНОВ

Не сгущайте розовые краски!

Умри, плагиатор! Лучше уворованного не напишешь!

Наиболее оживлены пройденные пути.

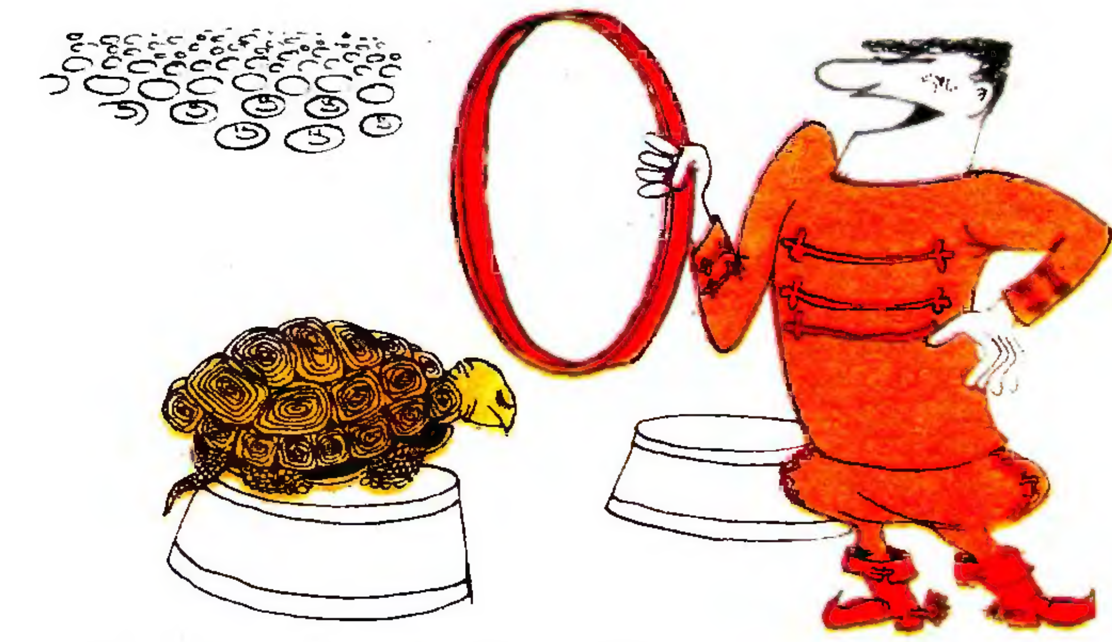
В. СЕРЕГИН

— Жизнь многограммна,— утверждал алкоголик.

В. СМИРНОВ

Санаторное влечение.

А. ГАЛКИН

— Окончание этого номера смотрите во втором отделении.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

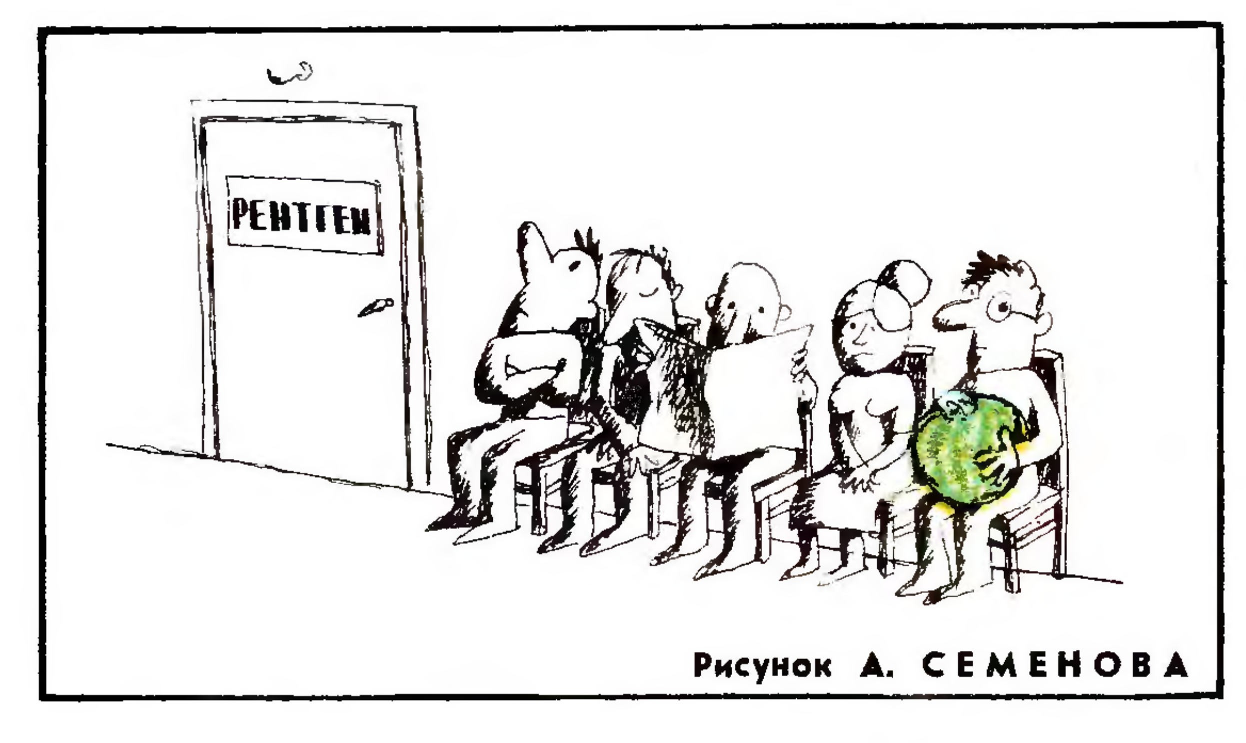

Рисунок А. СЕМЕНОВА

Ласло ТАБИ

ДИАЛОГ О ТАЙНЕ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

— Не знаю, как вы, а я не могу сказать, что счастлив в семейной жизни. Хотя у нас прекрасная квартира и зарабатываем мы очень прилично.

— Не удивляйтесь. Главное в семейной жизни не материальный достаток, а взаимное доверие.

— Но тот, кто любит, всегда ревнует! Вы так не считаете?

— Может быть. Но тот, кто пользуется взаимностью, всегда спокоен.

— Да, но я беспокоен именно тогда, когда подозреваю, что не пользуюсь взаимной любовью. Где же выход из этого заколдованного круга?

— Я сказал: надо верить жене. Вот уж семнадцать лет это доверие является фундаментом нашего счастливого брака.

— Завидую. Но скажите... Если вы придете домой днем, а жены еще нет, больше того, она возвратится лишь в два часа ночи, вы не спросите ее, где она была?

— Конечно, нет. Уже сам вопрос свидетельствовал бы о недоверии, а я ей верю. Если она меня любит, то не станет делать того, что неподобает, разве не так? Или она расскажет сама, где была, или нет. Я полагаюсь на нее.

— Значит, вы советуете, чтобы я тоже не спрашивал?

— Да. Самым решительным образом. Ведь если бы она изменила вам, она тем более не постеснялась бы солгать. Надо верить, что вы любимы,— и точка. Только и всего. Расспросы лишь унижают любовь.

— У вас, несомненно, славная домоседка-жена.

— Не сказал бы! Случалось, что она приходила домой часа в два ночи и к тому же слегка под хмельком.

— И вы не спрашивали, где она была?

— Разумеется, нет. Я считал, что за завтраком она расскажет, если захочет.

— И она рассказывала?

— Нет. Я думал, что если она не рассказывает, то дело явно не представляет интереса. Предположим, она была на серебряной свадьбе своих родителей. Я думал лишь о том, как приятно знать, что ты любишь и любим. Как хороши уверенность, спокойствие! Мы с ней даже не ссоримся!

Константин АКИНЬШИН

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ГРИБНИКАМ

Прежде всего нужно усвоить, что **ЗА ГРИБАМИ** ходят только в магазин «Дары природы» В лес же идут **ПО ГРИБЫ**. Разница весьма существенная: если в магазине вам сразу скажут, что грибов нет, то в лесу вам придется доходить до этого своим умом.

Пищу лучше всего захватить в дорогу простую, богатую белками, жирами, углеводами и витаминами. На десерт и для утоления жажды вполне достаточно трех арбузов на человека. Крепкие спиртные напитки употребляются как обычно, то есть с 10 часов утра.

Брать ли с собой гитару? Это зависит от численности коллектива. Обычно берут одну гитару на 8—9 человек. Тогда музыкант идет впереди и распугивает аккордами соперничающих с вами грибников.

Начинающему грибнику следует усвоить, что грибы бывают съедобные и несъедобные. И те и другие можно употреблять в пищу. Нужно только помнить, что несъедобные грибы обладают более ярким физиологическим воздействием на организм (боли в животе, рвота, судороги).

Как их различать? Многие для этой цели пользуются различными справочниками с цветными картинками. Однако, как правило, настоящие грибы так же мало похожи на свое изображение, как отпетый хулиган на характеристику, выданную ему с места работы.

Если у вас есть способность логически мыслить, плюньте на справочники и рассуждайте.

Во-первых, зная, что перед вами в том же лесу прошли тысячи людей, наивно ожидать, чтобы они оставили вам что-нибудь хорошее. Следовательно, те грибы, которые мозолят вам глаза, ядовитые.

Во-вторых, информация о съедобности грибов заключена в их названиях. Каждый гриб имеет своего антипода: лисички — лжелисички, опята — лжеопята, грузди — лжегрузди, поганки — лжепоганки. Отсюда вывод: не собирайте лжегрибы — это ядовитые самозванцы.

В-третьих, о качестве грибов можно судить по местам их произрастания. Хорошие грибы растут под березами (подберезовики), под осинами (подосиновики), под дубами (боровики). Ясно, что под заборами и телеграфными столбами растут плохие грибы (подзаборники, подстолбники и т. д.).

Самый ядовитый гриб — мухомор. Определить его просто. Поймайте муху и посадите ее на шляпку гриба. Если в течение двух часов она не подохнет, можно смело сказать, что перед вами не мухомор. Возможно, это бледная поганка.

Рано или поздно наступит время возвращения домой. Если к этому моменту ваша корзинка не наполнилась, воспользуйтесь обычаем опытных грибников закрывать корзины березовыми ветками. Помните, что самый большой гриб не может заменить в бане березового веника.

Для длительного хранения грибы рекомендуется сушить. При надлежащих условиях они не портятся 100—120 лет.

Хороши также маринованные грибы. Способ приготовления их несложен. Сварите их в эмалированной посуде, переложите в стеклянные банки, добавьте соль, лук, чеснок, укроп и две ложки уксуса. Ждать придется недолго. Ровно через две недели грибы прокиснут. Хорошую хозяйку это не должно смущать. Осторожно, чтобы не повредить шляпки, выложите грибы в помойное ведро. Затем тщательно вымойте посуду и поставьте ее в сухое прохладное место до следующего грибного сезона.

— Не бойся, сюда они не перепрыгнут!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Вы любите жену?

— С ума схожу! И верю ей. Но одно не исключает другого. Два года назад она как-то пришла домой, и я увидел, что у нее руки по локти в крови. Вы бы на моем месте стали ее расспрашивать, не так ли?

— Конечно!

— Чепуха! Я сказал себе: захочет — сама скажет.

— И сказала?

— Нет. Приняла ванну и пошла на кухню готовить ужин.

— А вы? Что вы подумали?

— Что я любим, и это — главное. Без доверия нельзя жить вместе.

— А я подумал бы, что она убила своего любовника.

— Ну и что? Тогда тем более все в порядке.

— У вас нервы из канатов.

— Нет. Просто я спокоен. Сознание, что я пользуюсь взаимностью, важнее всего. Расскажу вам еще один случай. Как-то, лет пять назад, я пришел домой, а жены нет. Жду, жду, не возвращается. Прошел день, неделя, месяц, не возвращается. Вы бы, небось, побежали в милицию? Правда?

— Ну, еще бы! А вы?

— Я сказал себе: несомненно, у нее какие-то дела, если она так задерживается. Через девять месяцев она вернулась домой, поцеловала меня в лоб, перепеленала младенца, которого принесла с собой, и пошла на кухню готовить ужин.

— А вы? Даже не пикнули?

— Нет, конечно. Я подумал, что она расскажет, если захочет. Не стану же я расспрашивать ее, раз уверен, что она меня любит!

— И она рассказала?

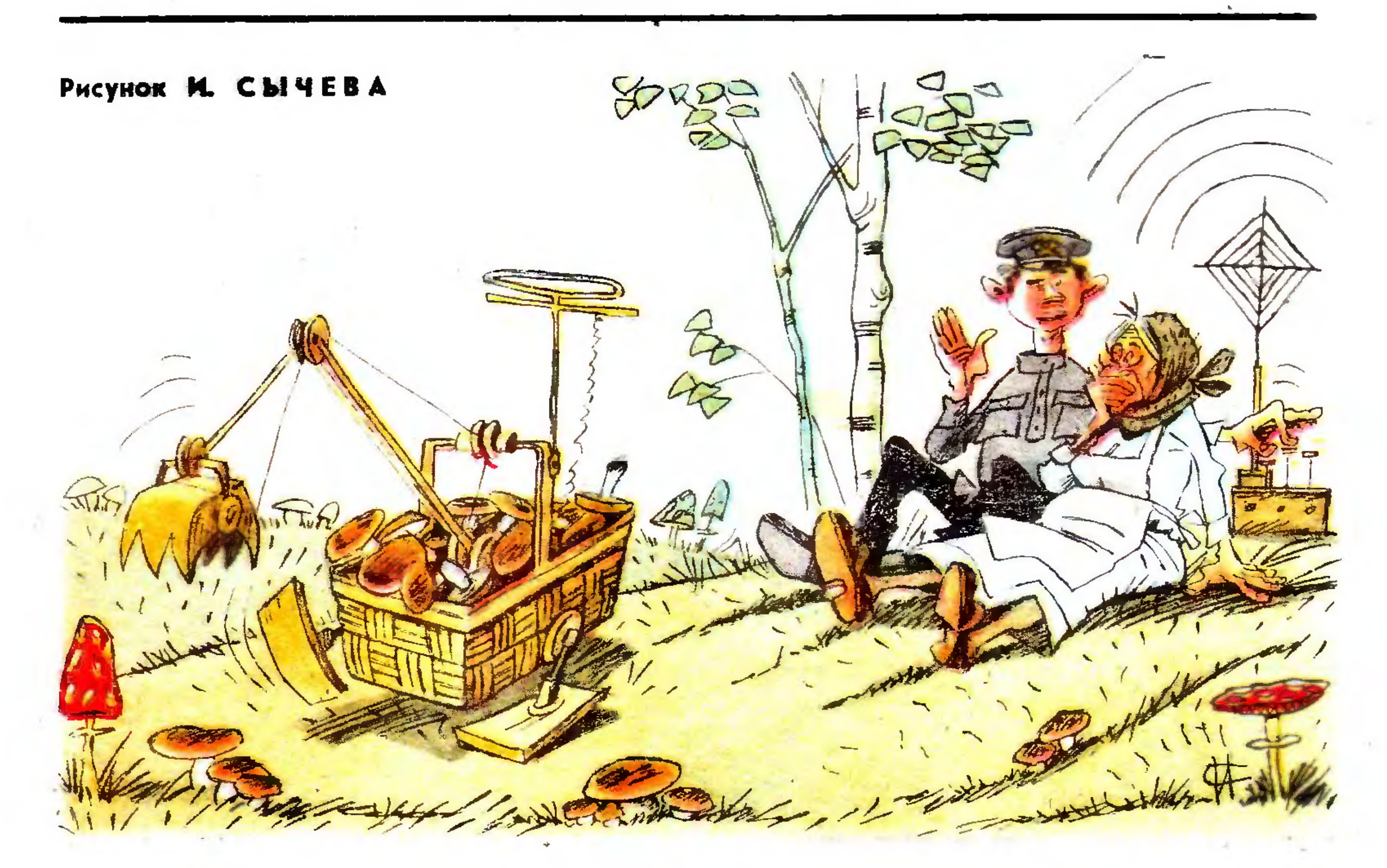
— Нет. Я подумал: вероятно, это неинтересно, иначе она бы непременно рассказала.

— Признаюсь откровенно, я бы задушил ее. И поджег бы дом. И сам бы повесился.

— Разве это лучше? Вы, дорогой друг, очень нервный субъект. Такие, как вы, никогда не должны жениться!

Перевела с венгерского Е. ТУМАРКИНА.

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Ты, бабуся, не волнуйся, в моей системе мухоморы не запрограммированы!

Крокодил помог

«НА АМБАРНОМ ЗАМКЕ»

Три года назад «Крокодил» поместил рисунок, на котором был изображен дом по Суворовскому бульвару. Здесь некогда жил и умер Н. В. Гоголь. А теперь дом был занят конторой снабжения и сбыта. И, естественно, мимо памятника Николаю Васильевичу, стоящего во дворе, сновали курьеры, курьеры, курьеры...

Что же произошло с домом за последнее время? Об этом говорилось в фельетоне Ю. Соколова («Крокодил» № 14). Оказалось, что здесь уже нет конторы. Однако же нет и музея. Кругом царит тишина и запустение.

Автор фельетона посетил также дома-музеи Достоевского, Герцена и Чехова.

И здесь перед его взором предстала печальная картина. Двери квартиры Ф. М. Достоевского закрыты. Дом в Сивцевом Вражке, где жил А. И. Герцен, изрядно разрушен. И только в доме А. П. Чехова на Садово-Кудринской шел ремонт.

После опубликования фельетона редакция получила от заместителя председателя Моссовета тов. Сизова письмо, из которого явствует, что в доме № 7-а по Суворовскому бульвару начались реставрационные работы. Здесь будут открыты музей-квартира Гоголя и библиотека.

В музее-квартире Достоевского ремонт закончится в сентябре текущего года, а открытие его намечено на середину будущего года.

Ну, а дом-музей А. П. Чехова уже гостеприимно распахнул свои двери. Торжественное открытие его состоялось 15 июля.

«НОВОСЕЛЬЕ ПО-МАЙКОПСКИ»

В «Крокодиле» № 19 был помещен фотоснимок весьма убогого сооружения из фанеры. В этом сооружении более 10 лет размещаются предприятия бытового обслуживания (сапожная, парикмахерская и т. п.) поселка «Минеральный источник», Майкопского района, Адыгейской автономной области.

В заметке «Новоселье по-майкопски» рассказывалось о том, как работникам сферы бытобслуживания удалось на общественных началах по кирпичику сложить новое помещение, остеклить его и даже провести свет.

Новоселья же отпраздновать не пришлось: постройка была разрушена по приказу директора спиртзавода как нетиповая и расположенная близко к дороге.

Секретарь Майкопского райкома КПСС тов. В. Дорогов сообщил редакции, что вопрос о неправильном отношении директора Майкопского спиртового завода тов. Ляшнова А. А к строительству нового бытового павильона рассматривался на заседании бюро райкома. Тов. Ляшнову объявлен выговор.

В настоящее время строительство павильона быта завершается. В нем будут размещены парикмахерская, сапожная мастерская и фотоателье.

КРОКОДИЛ

№ 25 (1927)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ВОСЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Ю. Андреев, М. Битный, М. Вайсборд, В. Воеводин, Г. и В. Караваевы, Н. Лисогорский, Л. Немировский, А. Семенов, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Узбяков, В. Устинов, М. Ушац, Е. Шабельник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00186.
Подписано к печати 29/VIII 1969 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 500 000 экз. (1 завод: 1—4 455 050).
Изд. № 1451.
Заказ № 2350.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

МОНОПОЛИИ ГОЛОСУЮТ

Рисунок Бориса ЛЕО